

ФРЕДДИ РОММ

СТАРЫЕ ДОЛГИ

Фредди Ромм

Старые долги

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ромм Ф. А.

Старые долги / Ф. А. Ромм — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Детективно-приключенческий роман «Старые долги» из серии «Спасение утопающих» Фредди Ромма. Сыщик Андрей Кароль – не выходец из силовых структур, детективом его сделала жизнь. Ему под силу самые сложные расследования. Но кто мог подумать, что однажды помочь понадобится ему самому? И всё потому что не смог остаться равнодушным, когда машина депутата Думы сбила двух женщин и понеслась давить детей. И теперь против него слепая сила закона, которая не разбирается, почему неизвестный стрелял в машину депутата, а обрушивает обвинение на того, кто выступил против власти имущих. Дизайнер обложки - Татьяна Николаевна Наконечная.

© Ромм Ф. А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Злоумышленник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фредди Ромм

Старые долги

Глава 1. Злоумышленник

Бабье лето – оно и в мегаполисе бабье лето. Даже в таком нервном, болезненном, вечно спешащем городе-гиганте как Москва. На асфальт проезжей части медленно, задумчиво ложится жёлтый лист, фр-р! – и улетает вслед мчащемуся автомобилю, которому нет дела до красот засыпающей на зиму природы. Несколько капель, обещающих дождик, слетают с небес, распугиваю тех из пешеходов, которым нет сейчас нужды куда-то спешить, а остальным велят ощетиниться зонтиками, но – тотчас влага с неба прекращается, будто пошутила. Остатки летнего тепла, словно воспоминания об июле, грустно улыбаются горожанам, тихо шепча: мы не надолго расстаёмся с вами! Всего лишь до весны!

Однажды сентябрьским утром, на одной из площадей в центре Москвы, в двух шагах от ближайшей школы, дети спешили к началу первого урока по переходу «зебра». Точно такая же «зебра» располагалась метрах в ста левее. Там было куда менее оживлённо, но...

Внезапно, гневно сигналя, к левому переходу подлетел чёрный «БМВ». Прежде чем пешеходы успели отскочить, машина смяла двух пожилых женщин и, не тормозя, помчалась дальше – ко второму переходу, по которому к школе шли дети...

Раньше, чем кто-либо успел хотя бы крикнуть, один из тех людей, которые собирались ступить на «левый» переход – высокий, стройный, спортивного вида мужчина в тёмно-синем плаще, джинсах, кроссовках и очках – неожиданно выхватил револьвер и выстрелил несколько раз вслед уносящемуся автомобилю. Взвизнули недовольно покрышки, и машина сбросила скорость, останавливаясь в нескольких метрах от перепуганных детей. Со всех сторон раздались крики – скорее из страха перед стрельбой, нежели из сострадания к сбитым машиной женщинам. От человека в плаще испуганно шарахнулись прохожие. Мужчина, открывший огонь, мгновенно сунул оружие в карман, выхватил небольшой фотоаппарат, заснял место происшествия и, прежде чем кто-либо приблизился к нему, исчез в одном из ближайших переулков. Площадь начала понемногу приходить в нормальное состояние.

– Какой ужас! – ни к кому не обращаясь, заголосила беззубая старуха. – Стреляют! В центре города!

– Вы, мамаша, зря это, – процедил сумрачный парень с наколками на руках. – Не видите, что ли? Псих в машине сбил на переходе двух человек. И детей раздавил бы, если бы не тот мужик со стволом. Лучше помогите, кто-нибудь! – и парень, опасливо оглядываясь на случай появления новых бешеных машин, подошёл к сбитым женщинам. Одна из них лежала неподвижно, другая шевелилась и стонала. Парень пощупал пульс первой и вздохнул. Рядом затормозила «Скорая помощь», из машины вышли врачи и медбратья с носилками. Из подстреленной «БМВ» выскочил человек в чёрном костюме.

– Они сами бросились под колёса! – громко завопил он, будто стараясь немедленно рассеять сомнения, кто виноват.

– Молчи, сволочь! – отозвался парень с наколками. – Носитесь, как психи, даже на переходе сбиваете!

– Неправда! Они сами виноваты!

– Я всё видел!

– Ну и молчи, если видел, целее будешь, – негромко, отечески обратился к парню с наколками плечистый гражданин, который тоже вылез из «БМВ» и теперь не торопясь подходил к месту событий. – Или тебе проблемы нужны?

Парень отпрянул.

– А вы кто такие? – угрюмо спросил он.

– Это машина депутата Государственной Думы Владимира Александровича Иванова, – ни к кому не обращаясь, как бы задумчиво отозвался плечистый. Парень посмотрел исподлобья и шагнул назад. Рядом остановилась милицейская машина.

– Что здесь происходит? – поинтересовался лейтенант милиции, глядя, как медбратья кладут носилки с ранеными женщинами в «Скорую помощь».

– Нападение! Покушение на депутата Думы господина Иванова! – значительно подняв указательный палец, объявил плечистый гражданин. Миционер смущённо попятился.

– Они, что ли? – дрожащим пальцем указал он на отъезжающую «Скорую помощь».

– Нет, что вы, – снисходительно пояснил плечистый. – Они были сбиты случайно. После того, как неизвестный выстрелил в нашу машину, – добавил он, поискав глазами парня с наколками. Прохожие вокруг обменялись взглядами, но ничего не сказали. Миционер вздохнул:

– Значит, составим протокол и будем возбуждать уголовное дело.

– По факту покушения на депутата! – подсказал плечистый. Миционер посмотрел на него с лёгким недоумением и кивнул.

Люба

Сегодня Сашу забрал до вечера отец, и молодая актриса-детектив пришла на киностудию одна. Люба была в белом деловом брючном костюме и полусапожках на среднем каблуке. Из проёма пиджака выглядывал светло-серый галстук.

Едва войдя в павильон, где предполагалась съёмка, очень удивилась: всё оборудование готово, а вокруг ни души. Решив не дожидаться, Люба вышла наружу, сделала несколько шагов – и услышала возбуждённые голоса. Направилась в сторону шума: там оказались двое незнакомых мужчин.

– Извините, вы не знаете, где съёмочная группа Алины Роговой?

Незнакомцы с нескрываемым интересом посмотрели на красавицу:

– Вы – Люба Зелинская?

– Да, – невольно улыбнулась она. В своё время Люба не без колебаний решила фигурировать в титрах под своим настоящим именем – опасалась, что сцена поцелуя с заслуженным артистом Леонидом Соколовым в фильме «Люди и чудища» вызовет недовольство Олега. Муж, действительно, холодно принял эту сцену, но вслух возражать не стал. Напротив, в ту и последующие ночи оказался особенно нежен и горяч в постели, словно стремясь избавить жену от потребности в других поцелуях. Постепенно Олег привык к тому, что женат не только на детективе, но и на восходящей кинозвезде.

– Автограф можно попросить?

Люба кивнула.

– А на чём расписаться?

Мужчины переглянулись:

– Сейчас найдём!

Один из них бросился к соседнему павильону, а Люба воспользовалась моментом, чтобы обратиться ко второму парню:

– Всё-таки: где Алина?

— Как, вы не знаете? — с лёгким удивлением отозвался тот. — Вон там! — он показал в сторону, противоположную той, откуда Люба пришла.

— Спасибо! — и молодая женщина шагнула в том направлении.

— А как же автограф? — услышала она вслед растерянный голос поклонника, спохватилась и замедлила шаг. Однако долго ждать не пришлось, второй из парней уже подбегал, запыхавшись, неся в руках афишу фильма «Люди и чудища». Люба рассмеялась:

— Не с этим фильмом я бы хотела войти в историю киноискусства! — но расписалась.

— Спасибо! — хором ответили мужчины. Люба улыбнулась, кивнула и направилась в указанную сторону, чувствуя спиной восхищённые мужские взгляды. Завернув за угол павильона, она замедлила шаг при виде большой толпы. Тут были и работники из группы Роговой, и совершенно незнакомые люди. Люба задумалась, стоит ли выяснять, по какому поводу всеобщий сбор, или лучше вернуться в свой павильон, и вдруг услышала:

— Люба, иди сюда! — Рогова призывно махнула ей рукой. Зелинская кивнула и осторожно направилась к режиссёру. Толпа, в особенности мужская её часть, тотчас расступилась, с удовольствием пропуская рыжую красавицу.

— Не надо тебе на это смотреть, — вполголоса сказала Рогова, когда Люба подошла к ней, и потянула за руку к себе. Молодая женщина удивилась:

— А что там такое?

— Человека убили.

Люба вздрогнула: хотя и детектив, она, действительно, очень болезненно относилась к зреющим человеческих страданий и смерти, и режиссёр в своё время обратила на это внимание. После небольшой паузы, молодая женщина спросила:

— Милиция уже приехала?

— Да, и безо всякого расследования заявляет, что это самоубийство.

Люба помолчала немного. Конечно, качество работы милиции — отдельная песня, но, может, действительно — суицид?

— Алина, вы считаете, что он не покончил с собой?

— Люба, я не знаю точно, но с этим человеком знакома довольно давно, и ничего суицидного в нём не было.

— А кто это?

— Алексей Петрович Луговой, ассистент режиссёра Меньшиковой.

Ни с покойным Луговым, ни с Меньшиковой Люба не успела до сих пор познакомиться. Собственно, на Мосфильме она общалась практически только с работниками группы Роговой, сразу после съёмок спешила домой или в детективное агентство. Молодая женщина знала, что группа Галины Меньшиковой должна вот-вот начать съёмки нового фильма в соседнем павильоне, какая-то фантастика — и всё. Что касается Лугового... Когда-то он был популярным актёром, любимцем прекрасных дам, но с тех пор запил, и большинство режиссёров от него отказались. С тех пор он на подхвате, главным образом, работал у Меньшиковой. Трудно поверить, что этот человек кому-то мешал.

— Люба, что, если я попрошу тебя расследовать это?

Детектив удивлённо посмотрела на Алину. Не преждевременна ли просьба? Ведь милиция только взялась за дело, её вердикт «самоубийство» является чисто предварительным. А если и расследовать, то лучше бы этим заняться главе агентства — Андрею Каролю. Однако вслух Люба сказала:

— Хорошо, Алина, я подумаю.

— Спасибо, Люба! — улыбнулась Рогова. — Я буду тебе очень признательна, если ты со всем этим разберёшься.

Люба только собиралась ответить, что подумать о расследовании — ещё не значит провести его, как услышала:

– Привет, Алина! Ну что – познакомишь меня с Любой?

К ним подходила высокая, стройная, черноволосая, с лёгкой проседью женщина, которой на вид можно дать не более тридцати пяти, хотя на самом деле ей было под пятьдесят – Меньшикова собственной персоной. Она напряжённо улыбалась, с интересом разглядывая Зелинскую.

– Люба, моя подруга Галя хочет предложить тебе роль в своём новом фильме «Много лет спустя».

Глаза детектива широко раскрылись. Так чего от неё хочет Алина – расследования или участия в съёмках фильма подруги? Или это нужно совместить? Впрочем, последнее по-своему логично. Люба хотела было обдумать ответ, но тут Рогова шепнула ей в ухо:

– Пожалуйста, согласись!

– Хорошо, спасибо, я согласна, конечно, – промямлила Люба, чувствуя себя бестолково. Тысячи молодых актрис мечтают сниматься, а вместо них наперебой приглашают детектива, у которой семья, маленький сын, а муж хочет ещё детей… Не очень справедливо и не вполне логично. Однако сниматься в кино интересно, хотя результат, появляющийся на экране, нередко разочаровывает. – А можно спросить, что за роль? – спохватилась она.

– Роль как раз для вас, Люба. Мы снимаем фантастический фильм: с помощью машины времени, герои Великой Отечественной войны вернулись в наш мир и теперь сталкиваются с проблемами, которые окружают нас всех. Ваша героиня – бывшая подпольщица, казнённая гестаповцами в Смоленске.

Люба неуверенно кивнула: в самом деле, роль сродни той, в которой она снимается сейчас у Роговой – Жюльетт, участницы французского Сопротивления и соратницы Леопольда Треппера. Только непонятно расследование проводить или нет? Зря обнадёживать Алину не хочется, но при этом…

– Вот и отлично! – улыбнулась Рогова. – Галя, извини, нам пора идти. Будем надеяться, что удастся быстро разобраться, что случилось с Алёшой.

Люба обрадовалась поводу поскорее прервать этот диалог, в котором её роль становилась всё более двусмысленной, как можно любезнее улыбнулась Меньшиковой и удалилась вслед за Роговой в её павильон. Там уже начали собираться члены съёмочной группы, всё ещё обсуждающие гибель Лугового.

– Так, начинаем! – хлопнула в ладоши режиссёр. – Через десять минут снимаем сцену беседы Жюльетт с Гириングом! Попрошу всех быть наготове, чтоб никого не ждать!

Люба покорно прошла в гримёрную и предоставила себя в распоряжение персонала. Десять минут растянулись до получаса, и молодая актриса чувствовала себя неуютно – неудобно задерживать коллег, – но в конце концов всё обошлось, и она вышла во всеоружии на съёмочную площадку. Тотчас выяснилось, что «Гириинг» – заслуженный артист Российской Федерации Игорь Мальков – тоже опоздал, он появился через полминуты.

– Снимаем! – голосом, не предвещающим ничего хорошего виновникам задержки, произвела Рогова. «Жюльетт» направилась в «комнату», «Гириинг» позвонил во «входную дверь», и съёмка началась…

– Снято! – минут через десять отметила Алина с удовлетворением в голосе. – Отдыхаем!

Люба воспользовалась перерывом и подошла к режиссёру.

– Алина, как мне быть с Меньшиковой? – не без растерянности спросила она.

– Сниматься! – уверенно отозвалась Рогова. – Великолепная роль! Отличный сценарий, я читала.

– А расследование? Вдруг Луговой действительно покончил с собой?

Режиссёр глубоко вздохнула и недовольно покачала головой:

– Не тот человек! Уж поверь мне, я его пять лет знаю. Не без недостатков, но жизнь любил.

– Можно мне привлечь мужа и начальника нашего агентства?

– Конечно! Привлекай кого хочешь и рассчитывай на мою полную поддержку. Только чтобы расследование не в ущерб съёмкам!

Эта реплика окончательно сбила Любу с толку. Получается, Рогова не так уж опечалена смертью старого знакомого? Во всяком случае, не настолько, чтобы отдать приоритет расследованию…

– Да, Алина, я сделаю всё что могу, – покорно кивнула Люба. Рогова одобрительно улыбнулась, и обе женщины вышли наружу – глотнуть свежего воздуха перед следующей съёмкой.

Сергеев

Подполковник МУР Сергеев Вадим Иванович сидел над результатами баллистической экспертизы и мрачно вздыхал. Наконец, решился: взял телефонную трубку и набрал номер майора Зелинского.

– Привет, Олег. Можно к тебе подойти? Или нет, лучше ты ко мне. Обещаю – не пожалеешь.

Зелинский не заставил себя ждать. С порога ухмыльнулся:

– Привет, Вадик! Как дела?

Они обменялись рукопожатием. Сергеев кивнул на свой стол:

– Полюбуйся.

– Что? Убийство? – поинтересовался коллега, берясь за экспертное заключение.

– Нет, покушение. На депутата Государственной Думы Иванова Владимира Александровича.

Зелинский удивлённо посмотрел на хозяина кабинета:

– Кому он понадобился, этот болтун?

– Не знаю, понадобился ли вообще. А вот кому… Тебе эти пули ничего не говорят?

Сергеев внимательно смотрел на приятеля, и Зелинскому стало не по себе. Пули из кольта… Не так уж много народа в Москве владеет этим оружием.

– Они уже где-то засветились?

Сергеев тяжело вздохнул, протянул руку к шкафу, в котором лежали материалы дел, но раздумал.

– Гибель Пузана помнишь?

– Ещё бы!

Ликвидация банды Пузана, он же Денис Иванович Краснов, была одним из дел, которые Зелинский провёл несколько лет назад «в четыре руки» со своим другом Андреем Каролем. При этом, правда, ни разу не вышел из кабинета, но коллегам задал неслабую гонку. Сам Краснов был убит на рынке, когда готовился осуществить там террористический акт. И застрелил мерзавца никто иной как Андрей.

Сергеев кашлянул:

– Так вот, Олег! Пули, выпущенные в машину депутата, те же, которыми был убит Пузан!

Зелинский вздрогнул и вопросительно посмотрел на приятеля. Тот отвернулся:

– Как мы оба помним, найти человека, застрелившего Пузана, тогда не удалось. Если честно – его никто особенно и не искал. Потолковали тогда с твоим другом – просто для порядка.

Да-да, думал Зелинский, был такой разговор. Тогда Андрей и познакомился с Антоном Лебедевым из ФСБ, в ту пору – майором. Что же получается? Не покушался же Андрей на депутата, в самом деле?! Точнее, мог покушаться, но в единственном случае – если спасал

чью-то жизнь... которой этот депутат угрожал. Но в этом случае сейчас бы расследовалось не покушение, а убийство.

– Что с депутатом?

– Ничего. Жив, здоров. Но под его машину попали две женщины на переходе. По словам его помощников, свидетелей происшествия, машина потеряла управление, когда неизвестный выстрелил в её покрышки, и из-за этого сбила людей.

– Эти женщины живы?

– Да, и в сознании, но как именно всё случилось – не помнят.

– Они хотя бы могут сказать – слышали выстрелы до того момента, когда их сбили?

– Не помнят! Обе! Каково работать со свидетелями, а? – Сергеев пристально посмотрел в глаза приятелю и сразу отвернулся. – Ладно, Олег, я тут тебе жалуюсь не по делу... Привет супруге и Андрею.

– Да, спасибо, – пробормотал Зелинский и вышел. Он не сомневался, что разговор предназначался для Андрея. Отойдя от двери Сергеева на несколько шагов, вынул мобильный телефон и набрал номер Кароля:

– Привет, Андрей. Ты дома? Мне срочно нужно поговорить с тобой. Сейчас приеду.

Андрей

Он не сомневался, что звонок друга связан с утренним происшествием. Чёрт, омерзительная вышла тогда ситуация: или самому подставиться, или допустить гибель других людей, детей...

Сзади тихо подошла жена Таня, обняла за плечи:

– Милый, что-то не в порядке?

Он попытался улыбнуться:

– Нет, моя дорогая, всё хорошо.

Таня вздохнула:

– Мой хороший, я вижу – ты от меня что-то скрываешь. Ладно, тебе виднее. Надеюсь, ничего серьёзного. А ты не хочешь меня спросить?..

Андрей не сразу понял, что имеет в виду жена – вопросительно посмотрел на неё. Она чуть смущённо улыбнулась. Муж протянул к ней руки и мягко взял за ладони:

– Любовь моя! Я правильно тебя понял?..

– Да, милый. У нас будет малыш.

Андрей не сдержался – подхватил любимую на руки и страстно поцеловал в губы, и жена ответила, обнимая его. Они опомнились примерно через минуту. Андрей улыбнулся:

– Милая! Как хорошо! Ты не представляешь, как я рад!

– Ничего, что я на несколько месяцев стану толстая?

Муж засмеялся и вместо ответа снова поцеловал Таню. Послышался звонок в дверь. Андрей спохватился:

– Ой, я чуть не забыл: это же Олег!

Таня кивнула:

– Не буду мешать, мой славный. – Она поднялась, чтобы выйти.

– Любовь моя, ты мне никогда не мешаешь, – пробормотал Андрей, но жена только улыбнулась ободряюще, словно говоря: знаю, знаю, просто шучу.

Кароль вышел в коридор, посмотрел в глазок и открыл.

– Добрый день, Танечка! – улыбнулся молодой женщине майор милиции, проходя в комнату.

– Здравствуй, Олег! – приветливо кивнула Таня. – Проходи в гостиную, там и поговорите о делах. Обедать будешь?

– Соглашайся! – негромко подсказал Андрей. – Танечка испекла потрясающие олады!

– С удовольствием! – ответил Зелинский. – Только можно, Андрей, мы сначала поговорим о делах?

– Конечно! До обеда ещё двадцать минут!

Из детской появились Зайка и Люся.

– Дядя Олег! – в один голос радостно закричали они и бросились к другу семьи Кароль. Зелинский улыбнулся детям, присел на корточки, погладил обеих девочек. Таня подошла и мягко увела их:

– Миленькие, дяде Олегу нужно срочно поговорить с папой! Потом он поиграет с вами! Готовьтесь обедать!

Андрей вопросительно посмотрел на друга. Тот смущённо почесал нос:

– Дружище, что у тебя вышло с депутатом?

Андрей ответил не сразу, и Зелинский поспешил добавить:

– Это дело уже в МУРе. Расследует Сергеев.

– Советуешь рассказать ему всё как на духу?

– Сначала мне. Ты стрелял в депутата?

– Нет, конечно, а то бы застрелил.

– Я так и понял. А в его машину?

– Только в покрышки. Его машина сбила двух женщин и помчалась к переходу, по которому шли дети в школу. Ты на моём месте как бы поступил?

Зелинский несильно стукнул ладонью по столу, покачал головой и после короткой паузы ответил:

– Я на твоём месте вообще ничего бы не сделал. Растирался бы, а потом проклинал себя за трусость. Андрюха, ты настоящий мужик. Тебе памятник надо поставить – на том месте, где это произошло.

– Будет лучше, если обо мне просто не узнают.

– Да, точно. Сделал доброе дело – и уноси ноги, пока тебя не поблагодарили.

– На Сергеева можно рассчитывать?

– Отчасти. Он на твоей стороне, поэтому поделился со мной. Но у него начальство, которое может не оценить твоё благородство, а депутат наверняка станет давить. Думаю, тебя Сергеев не сдаст, но дело Пузана всплыёт наверняка. А там, сам понимаешь, всё будет зависеть от догадливости слушателей.

– Думаешь, имеет смысл нанести упреждающий удар?

– А у тебя есть такая возможность?

– Есть, – кивнул Андрей. В дверь комнаты тихонько постучала Таня:

– Милые мужчины, вы готовы идти кушать?

Они переглянулись. Зелинский кивнул и улыбнулся:

– Да, у меня всё. С удовольствием попробую олады!

– Олады – на десерт! – засмеялась Таня. – Сначала суп и второе! Олег, ты что предполагаешь: жаркое или свиную отбивную?

– Жаркое! – улыбнулся гость, и семейство направилось в столовую.

Люба

Когда она вернулась домой, Саши ещё не было. Олег тоже пока не приехал. После недолгого колебания, Люба села к компьютеру, вошла в Интернет. Андрей приучил своих сотрудников первым делом смотреть во Всемирной Паутине ссылки, касающиеся главных фигурантов очередного дела.

Итак, Алексей Петрович Луговой. В точности такое сочетание не встречается. А если взять только имя и фамилию? Ссылок полно, но не похоже, что по интересующему вопросу. А если добавить режиссёра?

Люба вздрогнула: имя Меньшиковой, действительно, вызвало град ссылок, и некоторые из них касались Лугового. Однако большей частью – сама режиссёр… хм, оказывается, они были женаты. Может, действительно – начать с неё? Маловероятно, что она причастна к убийству бывшего мужа, и всё же близкий покойному человек. При этом большого огорчения у неё его гибель не вызвала… М-да… Это, конечно, может означать что угодно, и менее всего – её виновность: убийца наверняка сейчас ходит, раздирая на себе одежды и сотрясая воздух горестными воплями, изображая великую скорбь по жертве. Ко всему прочему, не исключено, что первая версия милиции верна и Луговой действительно покончил с собой – спрыгнул с крыши павильона. А если не самоубийство, зачем он туда забрался? Убийца заставил?

Люба покачала головой: идти от картины преступления не стоит, убийца наверняка замёл следы, а если и нет, то это дело быстро раскроет милиция. Надо исходить из связей убитого. Где-то среди них выход на убийцу… если таковой есть. И первым делом, увы, нужно проверить Галину Меньшикову. Так что говорится в её биографии?

Галя Сидорцева, Москва, 1978 год

– А сейчас выступает… – конферансье сделал эффектную паузу. – Галина Сидорцева, город Пермь!

На сцену вышла тоненькая, большеглазая русоволосая девушки в простом платье в цветочек и в туфлях на низком каблуке. Зал снисходительно, жиденько захлопал молодому таланту и быстро затих: кто такая эта Сидорцева – никому не известно, выглядит нищенски, но так и быть, пусть попробует потягаться со знаменитостями. Зазвучала мелодия популярной на Западе песни «Голос тишины», Галя поднесла ко рту микрофон и запела:

Как странно, что не знала я,
А ведь на свете есть слова,
Они нам даже не слышны порой
И я тогда не знала что со мной,
Но только вдруг…
Я услыхала голос в темноте.
И голос тот
Сказал мне:

«Прислушивайся к тишине,
Что сможет рассказать тебе
Так много необычного всего.
О том, что в жизни есть и волшебство.
Ты попадешь
В чудесный мир историй тишины.

Иди смелей,
Не бойся!».¹

Зал затаил дыхание: голос у юной исполнительницы оказался на удивление чистый, с широким диапазоном, но главное – за ним ощущались сила духа, скрытая эмоциональность, смешанная с тихой задумчивостью, столь подходящей для этой песни.

Я стала слушать тишину
И в сон попала наяву.
Там ветер что-то на ухо шептал,
А дождик тихо каплями шуршал.
Их голоса
Со мною говорили, пели мне,
О том, что мир
Прекрасен.

Забыли люди о цветах.
Сердца, как камень, в душах – страх.
Надежда испарилась без следа.
И все понятным стало вдруг тогда.
Ведь тишина
Бывает очень громкой и она
Порой слышна
Повсюду.

Зрители сидели не дыша, смущённые укоризненными словами песни, словно опасались вспугнуть чудо говорящей тишины.

Боюсь я говорить с тобой —
Вдруг не расслышишь голос мой
Среди людей и шума суеты.
Но иногда сбываются мечты.
И я верю
В то, что ты однажды поймешь меня
И тишину
Услышишь.

Песня окончилась. Галия опустила микрофон, застенчиво улыбнулась, и зал взорвался овацией. Члены жюри вопросительно посматривали друг на друга, словно говоря: «Что же поставить этой девочке? Держаться не умеет, танцевать и подавно, одевается, как на овощную базу, но поёт-то как! Вместе с тем – песня хоть и популярная, но буржуазная, мало сочетается

¹ Здесь и далее, использованы поэтические переводы автора романа и Татьяны Серман (Хайфа).

с трудовым энтузиазмом советского народа, в свете последних решений Партии и Правительства».

– Де-сять! Де-сять!!! – исступлённо скандировал зал. Кто-то из зрителей вышел к сцене, неся огромный букет, явно приготовленный для более видного исполнителя. За первым букетом последовала корзина цветов. Гая принесла цветы, неумело поклонилась, не выдержала и, улыбаясь, заплакала. Зал взвыл от восторга, овация загрохотала ещё громче. На сцену вышел конферансье, огороженный происходящим. Он растерянно улыбнулся, попытался сказать что-то, но его никто не рассыпал из-за артиллерийского грома аплодисментов. Конферансье оставил тщетные попытки и показал рукой на Гаю, будто говоря: «Вот он – подарок, который я вам обещал!» Девушка краснела, плакала, улыбаясь сквозь слёзы: было видно, что она менее всего ожидала такого успеха. Но вот аплодисменты начали униматься, и конферансье смог, наконец, произнести:

– Замечательно, не правда ли? А теперь слово предоставляется жюри!

Зал мгновенно притих. Судья под первым номером, народный артист СССР Виктор Скворцов, величественно прокашлялся и заговорил:

– Что же, дорогая Гая, совсем неплохо для дебюта. Вам есть над чем работать, но, повторяю, очень неплохо.

Зал недоумевающее загудел.

– Кто ещё хочет высказаться? – поинтересовался конферансье.

– Позвольте, я! – утирая слёзы, подняла дрожащую руку Елена Мишкина, Герой Социалистического Труда, доярка из подмосковного колхоза. – Мне очень понравилось! Очень! Я, конечно, не разбираюсь, но поставлю десять!

Остальные члены жюри переглянулись и с сомнением качнули головами, как будто говоря: «Доярка – что с неё взять?!» Однако зал грохнул короткой овацией, давая понять женщине, что полностью разделяет её мнение.

– Оценки, пожалуйста!

Публика недовольно загудела при виде двух пятёрок и трёх шестёрок. Единственную десятку, как и обещала, поставила Мишкина. Радость мигом сошла с лица Гали, теперь она выглядела ещё более растерянной, чем в тот момент, когда вышла на эстраду. Однако цветы прижимались к её груди, нежно гладили стеблями по лицу, словно говоря: ты всё равно лучшая, верь нам, а оценки – чепуха.

Люба

Молодая женщина невольно смахнула слезу, навеянную песней, которую спела Галина Меньшикова, урождённая Сидорцева, много лет назад. Однако эмоции в сторону, расследование есть расследование. Что же было дальше?

Гая Сидорцева, Москва, 1979 год

Ты – уродка, ты – уродка! —
Так кричали мне вослед.
Ты – уродка, ты – уродка!
И тебя ужасней нет!

Я страдала от обиды, убегала я к реке,
И смотрела долго в воду, и тоскливо было мне.
Если вправду я уродка, для чего же дальше жить?
Может, стоит все печали в этих водах утопить?

Гая сделала паузу для музыкального проигрыша. Публика застыла, затаила дыхание, внимая трагедии, о которой повествовала юная талантливая певица.

Ты – уродка, ты – уродка! —
Так кричали мне вслед.
Ты – уродка, ты – уродка!
И тебя ужасней нет!

Только выйду я из дома, тычут пальцами в меня.
Ты – ничтожная уродка! Носит как тебя земля?
Все мальчишки издевались, зло дразня меня порой,
И мне было очень больно, когда пели за спиной:

Ты – уродка, ты – уродка! —
Так кричали мне вслед.
Ты – уродка, ты – уродка!
И тебя ужасней нет!

Но однажды в день весенний, когда шла издалека,
Повстречала сына моря – молодого рыбака.
На меня он странно глянул и сказал мне вдруг:
«Постой!
Ты – прекрасна! Буду счастлив, если будешь ты
со мной».

Ты – прекрасна, ты – прекрасна! —
Закричали все вдруг вслед.
Ты – прекрасна, ты – прекрасна!
И тебя красивей нет!

Ты – прекрасна, ты – прекрасна! —
Закричали все опять.
Только с ним я уходила,
С тем, кто смог меня узнать.

Ещё эффектный музыкальный пассаж – и песня закончилась. Гая перевела дыхание, и публика взорвалась рукоплесканиями. Молодая певица улыбалась и плакала, вслед за своей героиней переживая трагедию всеобщей травли беззащитной девочки – и её внезапный триумф, поставивший всё происходящее с головы на ноги. Певица понемногу приходила в себя, утирала слёзы, вызывая этим ещё большее возбуждение зала.

Зрители всегда были к Гале намного благосклоннее, чем музыкальные мэтры, от которых зависело распределение званий, льгот, приглашений за границу. После не очень удачного выступления на конкурсе, когда девушка заняла десятое место из сорока, её пригласили солисткой в ансамбль «До-ре-ми». Здесь от исполнителя не требовалось ничего, кроме таланта. Ребята, в основном в возрасте от шестнадцати до двадцати двух, выкладывались на полную катушку, старались не обмануть ожидания слушателей, и те награждали своих любимцев аплодисментами, цветами и – что не менее важно – отличными денежными сборами. Последнее обстоятельство то и дело побуждало эстрадных администраторов приглашать ансамбль «До-ре-ми» на разные выступления – разумеется, не в Кремлёвский Дворец Съездов и не в Колонный Зал Дома Союзов, но на простые концерты в старенькие клубы на окраинах Москвы, где часто проблема найти подходящий микрофон, в студенческие общежития, в фойе кинотеатров, а то и просто в рестораны. Те, кому нужны были красивая музыка, сильный эмоциональный голос и содержательная песня, с избытком находили всё это в выступлениях малоизвестного ансамбля с неприметной солисткой.

Нельзя сказать, что ансамблю совсем уж закрыли путь к известности и высоким гонорарам. То и дело поступали намёки от ответственных товарищей, что вот если бы немного изменить репертуар, убрать из него преклонение перед загнивающим Западом, включить патриотические произведения – вроде «День за днем идут года – зори новых поколений», – но никто и никогда не забудет имя ЛЕНИН – то ансамбль вполне может рассчитывать на нечто большее, чем музенирование в прокуренном ресторане. Да ещё не очень хорошо, что из пятерых исполнителей только один комсомолец и ни единого члена родной Коммунистической Партии, вот бы исправить этот недостаток…

Музыканты уныло выслушивали подобные откровения, но ничего не отвечали – ведь принять такие предложения означало бы отказаться от себя, предать своих слушателей, их горящие глаза и пылкие сердца, тоскующие по настоящей песне и красивой музыке.

Москва, 8 марта 1980 года

– А сейчас для всех наших прекрасных женщин Галина исполнит песню «Моя милая»! – объявил, радужно улыбаясь, конферансье. Публика загремела аплодисментами: зная Галю Сидорцеву и её ансамбль «До-ре-ми», никто не усомнился, что сейчас прозвучит нечто необычайное. Гала вышла на сцену – одетая в длинное серебристое платье, с высокой причёской, задумчивая, таинственно улыбающаяся, словно не видящая, не ощущающая ничего, кроме предстоящей музыки, и поднесла ко рту микрофон. Тотчас ожила вся ансамбль:

Этот парень очень славный,
Пусть он робкий, но галантный,
На него брось взор своих бездонных глаз!
И ему поверить можно,
Бережно и осторожно,
Он смахнёт слезу с твоих бездонных глаз!

Милая моя, смотри на всё всегда с улыбкой!
Милая моя, взгляни-ка лучше свысока!
К нам спешит златая рыбка
В океане пены зыбкой,

Звёзды улыбнулись нам издалека!

Зал восторженно заходил ходуном, вторя ритму. Непризнанная музыкальными корифеями, но талантливая и самобытная Гая Сидорцева привычно демонстрировала великолепный вокал, без труда брала высокие ноты, лукаво улыбалась, чуть пританцовывала в такт пленительной мелодии.

Ты прекраснейшая леди,
Лучше нет тебя на свете,
Дай увидеть блеск твоих бездонных глаз!
Не пренебрегай любовью,
Этой драгоценной новью,
Пусть она придёт с твоих бездонных глаз!

В зале поднялись сотни рук, соединились и затанцевали, поддерживая талантливую певицу.

Милая моя, смотри на всё всегда с улыбкой!
Милая моя, взгляни-ка лучше свысока!
К нам спешит золотая рыбка
В океане пенны зыбкой,
Звёзды улыбнулись нам издалека!

Песня окончилась, и загрохотала овация, понеслись крики, не поддающиеся фонетическому анализу, но выражавшие восторг и радость встречи с любимыми исполнителями и их новым детищем. К сцене помчался поток цветов, замелькали руки с фотографиями любимой певицы – в ожидании автографа. Гая, ещё не пришедшая в себя после исполнения, подписывала – и плакала от радости. Самые счастливые моменты её жизни – слияние с залом, во время и сразу после исполнения песни...

Мало кто смотрел, как позади неё ансамбль понемногу забирал свои инструменты и уходил за кулисы, чтобы уступить место новому исполнителю. В какой-то момент, когда аплодисменты стали жиже, Гая опомнилась: это не рай на земле, а просто праздничный концерт, и пора уходить, возвращаться к обыденности. Она ещё раз поклонилась зрителям – и направилась к левой кулисе. Из-за правой кулисы на сцену вышел конферансье, чтобы объявить популярного пародиста, а Гая, опустошённая, но всё ещё радостная, прижимающая к груди огромный букет, прошла в комнату, где её ждали остальные члены ансамбля. В нос ударили запах человеческого пота, столь обычный для помещений за сценой. Пора, подумала девушка, и мне переодеться. Популярная, хотя и не признанная мэтрами певица Галина превращается обратно в Гаю Сидорцеву, приезжую из Перми, решившую попытать счастья в главной городе Советского Союза.

Она прошла к столику, который на время пребывания ансамбля «До-ре-ми» стал её маленькой собственностью, и начала переодеваться, не обращая внимания на других исполнителей – за время совместной работы, они стали почти родными, да и заботы у них сейчас поважнее, чем рассматривание хорошенькой солистки. В коридоре послышались голоса, шаги

– они приближались. В определённый момент зазвучали по эту сторону порога комнаты. Галя с небольшим опозданием прикрылась и обернулась: вошёл незнакомый человек. Прикрывая смущившуюся солистку, к визитёру подошёл Игорь Смоленский, руководитель ансамбля:

– Извините, вы к кому?

– Вы – Смоленский?

– Да.

– Я – Игнат Виноградов, ассистент режиссёра Николая Григорьевича Желтова с Мосфильма. Мне поручено пригласить ваш ансамбль для съёмок музыкального фильма «Сцена».

Весь ансамбль застыл, не веря своим ушам. Их, непризнанных «стиляг», приглашают сниматься в кино? Это не злая шутка?

– Гарик, соглашайся! – выкрикнул Саня Мельник, гитарист и ударник.

– Я тоже согласна! – негромко, но веско произнесла солистка.

– Разумеется, мы принимаем ваше предложение, – неуверенно, словно опасаясь подвоха, ответил Смоленский. – Когда и куда мы должны явиться?

– Послезавтра, в понедельник. Подъезжайте ко входу в Мосфильм. Для всех будут пропуска.

– Спасибо, – пробормотал Игорь, и нежданный визитёр удалился. Галя пришла в себя от внезапного подарка ко дню женщин и надела, наконец, джинсы и свитер.

– Что вы об этом думаете? – выразил всеобщее недоумение Саня.

– Ничего не думаю, – пожал плечами Игорь. – Дают – бери, бьют – беги, сам понимаешь. Второго такого приглашения ждать не приходится. Может, это нам Фортуна улыбнулась.

– А мне кажется, кто-то положил глаз на нашу Галю, – негромко заметил Жора Каплунский, синтезатор. Девушка покраснела.

– Глупость, – недовольно поморщился Саня. – Если бы так, её бы одну и пригласили.

– Тогда бы она отказалась – верно, Галочка?

– Чепуха это, – упавшим голосом возразила девушка.

– Конечно, чепуха, – кивнул Игорь. – Ты, Жора, сам неравнодушен к Гале, потому и сочишься. Впрочем, – подмигнул он певице, – и я тоже. Галя, в тебя невозможно не влюбиться, так что прости балбесов.

Девушка отвернулась и пожала плечами. Приглашение на съёмки было приятно, однако выяснения, откуда оно взялось – увы, не очень.

– Ну, я поеду, – негромко сказала она, не спеша направляясь к выходу.

– Я провожу тебя! – вскочил Жора.

– Если не будешь болтать глупости.

– Всё, молчу! Извини, Галочка! Это было не нарочно! Ты – мой гений чистой красоты, сама знаешь!

– Я всех подвезу, – сообщил Игорь. В отличие от остальных, живших на северо-западе столицы, он обретался в Люберцах, а потому обычно уезжал с концертов один. Но, судя по всему, сегодня сделал исключение – и в качестве подарка виновнице праздника, и по случаю радостной новости. Без единой лишней реплики, ликующая компания направилась к выходу из здания.

– Эй! – мечтательно произнёс Саня, размешаясь на заднем сиденье «Жигулей». – Гарик, когда ты себе «Волгу» купишь, наконец? А то поедем сейчас, как в бочке селёдка.

– Не нравится – топай на своих двух. Галя, не садись рядом с этим обалдуем, иди сюда! – и Игорь похлопал ладонью по сиденью рядом. Певица с удовольствием приняла приглашение.

– Поехали! – радостно провозгласил Саня, усевшись рядом с Жорой. В этот момент рядом затормозила чёрная «Волга».

– Галина Александровна, позвольте вас подвезти! – послышался из «Волги» величественный баритон. Пассажиры «Жигулей» мгновенно стихли и переглянулись.

– Извините, а вы кто? – пролепетала изумлённая девушка.
– Я от вашего поклонника. Извините, пока не могу назвать его.
– А я, извините, к незнакомым мужчинам в машину не сажусь, – отпариowała девушка, немного приходя в себя от удивления.
– Напрасно, Галина Александровна… – попытался было спорить величественный баритон, но в этот момент Смоленский дал газ. Саня заржал:
– Молодчина, Галка! Здорово отшила этого козла!
Галя не ответила. Ей пришла в голову малоприятная мысль – что между приглашениями на съёмки и в «Волгу» существует связь… а значит, предположение Жоры может быть не лишено оснований. Однако задумываться об этом было слишком грустно. Не такими соображениями хочется занимать свою русоволосую головку девушке, впервые приглашённой сниматься в музыкальном фильме.

Москва, «Мосфильм», 10 марта 1980 года

– Вы не скажете, где режиссёр Желтов? – робко обратилась Галя к вахтёру, после того, как он сверил её паспорт сначала с анфасом девушки, а затем с оставленным пропуском.
– Вам туда! – выразительно махнул рукой работник охраны предприятия куда-то вглубь.
– Спасибо, – вздохнула Галя. Сегодня она оделась в свой лучший костюм – белая блузка, синяя юбочка чуть ниже колен, лодочки. Её головку увенчивал беретик, старомодный, но довольно элегантный. На левом плече восходящей звезды – сумочка, увы, соответственно финансовым возможностям: дешёвая, из кожзаменителя. Девушка прошла намного в указанном направлении, в душе надеясь найти кого-нибудь ещё, кто бы подсказал дорогу. Однако людей вокруг почти не было, разве что два грузчика тащили нечто непонятное, тяжёлое на вид, и приставать к ним с разговорами молодая певица не решилась. Оставалось только положиться на точность движения указующей руки вахтёра…
– Галина Александровна, идите сюда! – услышала она вдруг и обернулась: к ней обращался, улыбаясь, незнакомый старичик, стоявший рядом с домиком странной формы.
– Вы не знаете, где режиссёр Желтов?
– Здесь, все здесь, ждут вас! Скорее!
Девушка ступила за порог странного сооружения, и в ноздри ударили запах свежеструганных досок.
– А где же съёмка? – пробормотала она. Вместо ответа старичик потянул её куда-то за руку, пришлось пройти вдоль малоприятной канавки, залитой белой краской… дверь, ещё одна…
– В гримёрную – и сниматься! – услышала Галя повелительный голос, видимо, принадлежащий режиссёру.
– А где гримёрная?
Без излишних пояснений, старичик потянул её за руку в сторону, и Галя опомнилась, уже сидя в кресле перед зеркалом. Руки женщины-гримёра легли на лицо девушки и принялись вытворять разные чудеса, доступные только носителям этой профессии.
– Ну, идите! – негромко, но повелительно произнесла, наконец, гримёр, мягко вытряхивая девушку из кресла. Галя покорно вернулась к Желтову, но тот не смотрел на неё. На небольшой лужайке целовались парень с девушкой, одетые в костюмы полувековой давности, и Галя поняла, что здесь съёмка… но таком случае – куда же идти?
Её сомнения развеял уже знакомый Игнат Виноградов, тронувший девушку за руку.

— Идите сюда! — прошептал он, оттаскивая Галю в ту сторону, откуда она пришла. Движение вправо — и певица очутилась в тесной, душной комнатушке. К её удивлению, там оказался весь ансамбль. Ребята исполняли что-то по нотам, не в лад, и какофония царила ужасающая. Девушка поспешно зажала уши, но неумолимый Виноградов сунул ей текст:

— Вот, учите! Смотрите, не ошибитесь! У вас полчаса!

Девушка ахнула:

— Нам ещё repetировать!

Она замолчала, потому что Игорь взял её за руку и покачал головой:

— Галя, не пытайся кого-то убедить. Лучше не трать время — учи текст. Пой как получится, а мы сориентируемся.

Девушка вздохнула и принялась за дело. Она уже прочла текст про себя наизусть, когда снова появился Виноградов:

— Ансамбль — выходи!

Они вернулись на съёмочную площадку — к лужайке, трава на которой оказалась пластмассовой. Виноградов вывел вперёд девушку, и режиссёр произнёс в громкоговоритель:

— Начали!

Галя набрала воздух и запела, надеясь попасть в такт:

Словно в сказку вход
Этот магазин!
Мир иллюзий ждет
За стеклом витрин.

Возможно, Галя и не попала бы в такт, но ансамбль послушно следовал за своей солисткой, компенсируя любые её промахи изящными музыкальными вставками, которых, скорее всего, не было в партитуре.

Мальчик, выбирай!
Что же хочешь ты?
Мир себе создай,
Мир своей мечты!

Галя поймала одобрительную улыбку Желтова и приободрилась: пока всё хорошо.

Но помни — в этом мире Зависят от тебя!
Игрушки — как живые!
Они — твои друзья!
Не торопись, постой!
И сделай выбор свой!

Но приходит срок.
Повзрослеешь ты.
Взрослый мир жесток —
Мир другой игры.

Все кругом застыли, внимая странному тексту, мало соответствующему легкомысленному настрою музыкального фильма. Галя набрала воздуха и дала верх:

Не стань чужой игрушкой!
Безличия не знай!
Не прячься под подушкой!
Любовь не предавай!
Иди смелее в бой!
И будь самим собой!

Этот мир, не другой,
Станет новой игрой!
Что же ты медлишь у ворот
В мир, где удача ждет?!

Девушка и не заметила, как начала пританцовывать.

Учись, как делать выбор!
Сегодня он с тобой!
Не отступайся, либо
Разрушится мир твой.
Сегодня лишь игра,
Но завтра – в путь пора.

Сегодня лишь игра,
Но завтра – в путь пора.

Сегодня лишь игра...

– Снято! – объявил режиссёр, и все вокруг будто очнулись. Началось движение, кто-то подошёл к Гале со стаканом воды... Только теперь она поняла, что устала и действительно хочет пить...

- Галочка, ты себя хорошо чувствуешь? – шепнул в ухо Саня.
- Да, а что?
- Ты так побледнела...
- Разве? – удивилась певица. – Странно... Мне было очень хорошо.
- Браво! – сказал режиссёр и медленно похлопал в ладоши. – Учитесь, товарищи, как надо работать без единого дубля! Галя, у кого вы раньше снимались?
- Я? – удивилась певица. – Ни у кого. Это моя первая киносъёмка.
- Значит, у вас талант. Мы с вами потом ещё поговорим, никуда не уходите. А сейчас, – он повысил голос, – сцена в таверне! Где таверна, почему ещё не готова?
- На глазах изумлённой Гали, к лужайке подбежали двое рабочих, одним махом сорвали «газон», под которым оказались деревянные доски, а затем принесли нечто похожее на заплес-

невевшие стены. Если бы не суровый режиссёр, Галя не удержалась бы – подойти, попробовать стены на ощупь.

– Санчес – на выход!

Молодой парень в сомбреро, с большим старинным пистолетом в руке, появился со стороны гrimёрной, крауничись, подошёл к стенам, огляделся… И вдруг выстрелил куда-то влево – послышался крик. Тотчас раздались выстрелы непонятно откуда, и «Санчес» упал. С той стороны, куда он стрелял, вышли двое в расшищих камзолах и высоких сапогах. Как и у Санчеса – в руках пистолеты.

– Отличный выстрел, Андреас! – важно произнёс тот, который выше ростом. Его спутник величественно дунул на оружие и ответил:

– У него не было шансов.

Внезапно «Санчес» ожил, поднял пистолет и выстрелил дважды. Оба его противника охнули и упали.

– Снято! – объявил режиссёр, к немалому сожалению Гали, которой стало уже интересно, что случится дальше с Санчесом. Судя по всему, он был положительный, а его противники…

Противники Санчеса поднялись, отряхнули штаны и вместе со своим победителем удалились. Желтов поманил Галю пальцем.

– Пойдёмте, прогуляемся, – предложил он, словно озабоченный чем-то. Девушка покорно последовала за режиссёром. Он вынул пачку сигарет:

– Курите?

– Нет, что вы! – ответила она не без испуга, что собеседник сейчас примется дымить.

– Правильно делаете, что не курите, – кивнул тот и вернул пачку на место. – Это у меня скверная привычка… А с вашим голосом, конечно, ни-ни.

Галя кивнула, понимая, что всё это прелюдия.

– Киноактрисой стать хотите?

– Хочу! – неожиданно для себя твёрдо ответила девушка.

– Хвалю. У вас талант, к которому нужно только приложить труд, и всё получится. В этом фильме, увы, предложить серьёзную роль не смогу, но в следующем… Как вы относитесь к роли Ассоль?

Галя удивлённо взорилась на режиссёра. Фильм «Алые паруса» она с удовольствием смотрела не раз, но даже не могла представить себя конкуренткой Анастасии Вертиńskiej. Однако Желтов смотрел вопросительно, и Галя поняла, что если не сейчас, то уже никогда…

– Я согласна, – неуверенно сказала она. Режиссёр одобрительно кивнул и добавил:

– Наша Ассоль поёт.

Теперь Галя поняла, почему её приглашают. А впрочем…

– Николай Григорьевич, – смущённо заговорила она. – Я буду очень рада сыграть Ассоль, но ведь не только поэтому вы меня пригласили на эту роль? Многие актрисы поют, а другие могут имитировать. Роль завидная, главная…

– И ваша, – заметил Желтов. – Я прямо вижу вас в этой роли. Знаете что? Порепетируйте дома сцену, когда Ассоль замечает за окном корабль с алыми парусами.

– А когда съёмки начинаются?

– Через пару месяцев. Едем в Сочи, там и снимем большую часть фильма.

– В Сочи, говорят, хорошо в июле, – мечтательно произнесла девушка. Желтов посмотрел с удивлением:

– «Говорят»? Вы сами что – не были там никогда?

– Нет…

Режиссёр покачал головой, будто досадуя на упущение.

– Ладно, возьмите у Игната сценарий и начинайте готовиться. Время у вас есть, но не расхолаживайтесь. – Он вздохнул. – Ну, мне пора идти! Игнат с вами свяжется. Счастливо вам!

И он направился обратно в павильон, оставляя девушку в пылу противоречивых чувств, среди которых были и радость от предстоящей роли, и удивление оттого, что эта роль, главная и престижная, достанется ей, отличившейся от знаменитых актрис только своим голосом.

Люба

С улицы донёсся собачий лай, заставив меня вздрогнуть и отвлечься от материала, найденного в Интернете. Караул! Вот-вот вернутся Олег и Саша, а ужин ещё не готов!

Не мешкая, я бросилась на кухню. Через двадцать минут все конфорки плиты оказались заняты посудой, в которой что-то булькало или шипело. Ещё через десять минут стол был сервирован. Я с мольбой посмотрела на часы: ну хоть полчаса ещё, чтобы всё приготовилось...

Звонок в дверь. Кто там? Бывший муж с Сашей. Открыть...

– Здравствуй, Люба!

– Здравствуй. Сашенька, милый, заходи, мой хороший!

Бывший муж смотрит умоляюще, словно просит прощения, но это его проблема. Привёл Сашу – молодец, и до свиданья. Мой малышходит, и я собираюсь закрыть дверь перед носом бывшего супруга, но тут на лестнице раздаются шаги, и появляется мой милый Олежек. Я невольно расплываюсь в улыбке. Мой нынешний муж с подозрением смотрит на бывшего:

– А вы, извините, кто такой?

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Олежек ревнует?! Ну, я не так уж против, только чтобы не очень волновался. Тем более что причины для этого нет.

– Извините, товарищ майор, я бывший муж Любы, меня зовут Павел, я гулял с Сашей...

Подозрительность моментально слетает с Олега:

– А! Так это вы – Павел! Очень приятно! – они обмениваются рукопожатием. – Заходите, не стесняйтесь!

Теперь я теряюсь. Вот так-так! Это что же – Павел будет ужинать с нами? В общем, конечно, я и сама должна была его пригласить, а не разыгрывать сцену «Я помню, изменщик коварный». Не выгонять же его... но сдержать вздох огорчения не удается.

– Ужин будет минут через двадцать, – печально сообщаю всем присутствующим.

– Отлично! – радуется Олег. – Любонька, у меня аппетит волчий! – неожиданно веселье слетает с него, и мой муж говорит задумчиво:

– У меня новости по поводу Андрея, но о них потом.

Я пожимаю плечами, и мы вчетвером проходим в гостиную. Ужин ещё готовится, Олег и Павел заняты светской беседой, так что я лучше займусь моим мальчиком.

– Сашенька, как погуляли?

Мой сынок улыбается:

– Хорошо гуляли, мамочка! Ходили в ВВК!

Я сразу оживляюсь:

– Тебе понравилось?

– Да, очень! Блины такие вкусные!

Я невольно принимаюсь смеяться. Побывать во Всероссийском Выставочном Комплексе – ради того, чтобы поесть тамошние блины?! Трудно осудить Павла, в конце концов, важно, что Саше понравилась прогулка, но... мне кажется, ему всё-таки рановато. А блины, мне кажется, я делаю не хуже. Впрочем, может, это я ревную?

– Сашенька, ты сделал домашнее задание?

Саша ходит в лицей, в подготовительный класс. Раз в неделю, но домашние задания ему дают. Мне кажется, это совсем неплохо перед школой. Завтра очередные занятия.

– Сейчас сделаю, мамочка! – заверяет меня сынок и уходит в свою комнату. Я смотрю на часы: ещё минут десять ужину предстоит вариться. Интересно, какую новость насчёт Андрея приготовил мне Олег? А сам Андрей ничего не написал? Пойду-ка посмотрю электронную почту...

Яндекс, новости... Стоп, что это? Интересно... «Депутат Думы сбил на переходе двух женщин и чуть не наехал на детей». Какой кошмар! Почта подождёт, надо посмотреть, что там приключилось. Фотографии! И профессионально сделанные – вон машина-виновник происшествия, а вот сбитые ею женщины. А откуда взяты фотоснимки? Непонятно, какой-то незнакомый сайт. И что ещё пишут про это происшествие? «Депутат Госдумы Владимир Александрович Иванов утверждает, что на него было совершено покушение, из-за чего его машина сбила людей на переходе». Но вот на этом снимке чётко видно, что пули ушли в землю – то есть выстрелы производились по покрышкам, так о каком покушении может быть речь? Причём пули легли между машиной и сбитыми женщинами – получается, неизвестный стрелял уже после беды на переходе? А там, рядом, ещё переход, и на нём дети... Ещё мгновение – и машина задавила бы их! Этот неизвестный стрелок спас детей?!

Пока я сижу, тупо уставившись в экран, пытаясь разобраться, не ошиблась ли я в чём-нибудь, мне на плечо мягко ложится подбородок Олега:

– Милая, не пора ли нам ужинать?

Я спохватываюсь:

– Да, мой дорогой, ты прав. Сейчас всё будет на столе!

Убегаю на кухню: всё уже готово, осталось только снять и разложить. Несусь в столовую. Руки всё делают сами, голова где-то далеко. Что я должна была ещё сделать? Спросить Олега о чём-то? Ладно, это потом...

– Прошу к столу!

Павел с аппетитом набрасывается на еду, и мне приходит в голову, что он не питается нормально. Ну, что мне делать? Выкармливать его, как маленького? Ко всему прочему, он может из этого сделать неправильные выводы.

– Как вкусно! – заявляет Павел, и я невольно улыбаюсь. В голову приходит мысль: а вдруг он теперь захочет у нас всегда столоваться? Нет, это уж слишком. Его пригласил Олег, в порядке исключения и гостеприимства. А я? Сама не знаю... Как Олег решит, так пусть и будет... хотя мне кажется, что превращать сегодняшний ужин в традицию не следует.

Вот, наконец, трапеза завершена, а с нею уходят и взбалмошные мысли, вызванные появлением Павла.

– Люба, спасибо, было очень вкусно!

– Я рада.

Неужели Олег не замечает взгляды, которые бросает на меня его гость? А, нет, уже замечает, смотрит на Павла недовольно. То-то же. Начиная с завтра, пусть мой бывший супруг изыскивает другие способы добывания ужина. Павел вздыхает, неторопливо уходит – ну, наконец-то... Олег провожает его до двери... Запирает, возвращается...

– Милая, ты недовольна, что я пригласил его?

– Как тебе сказать...

– Больше не буду, обещаю тебе.

Я киваю, загружаю посудомоечную машину и думаю: плохо Олег знает Павла, теперь тот каждый вечер постараётся встречать его и напрашиваться. И голод изобразит, и что угодно. Но, в конце концов, мы же не благотворительная организация?! Всё, хватит об этом.

– Олег, что там случилось у Андрея?

Его глаза становятся большими от удивления:

– Как, ты не знаешь?

Я начинаю сердиться.

– Откуда? Это тебе он рассказал, а не мне.

– Ну, да, это не телефонный разговор. Но мне показалось… Ты же открыла страницу Интернета как раз на этой новости?

Я, признаюсь, уже забыла, что где открыла. Пойти освежить в памяти…

– Ты имеешь в виду – это происшествие с депутатом?

– Да, конечно.

Меня будто током ударяет. Как же я сразу не поняла, кто этот стрелок, спасший детей на переходе?!

Сергеев

Подполковник уже вышел в коридор и запер кабинет, собираясь домой, как вдруг внутри зазвонил телефон. Следователь тихо выругался и вернулся к своему рабочему столу.

– Эй, Сергеев, что там у тебя? – услышал он недовольный голос своего начальника полковника Лыкова.

– Да всё в порядке, – осторожно ответил Сергеев. Он почти не сомневался, что понадобился начальнику в связи с делом о мнимом покушении на депутата.

– Нашёл того, кто стрелял в Иванова?

– Револьвер, из которого произведены выстрелы, не замечен в преступных действиях, – туманно и не вполне литературно отозвался подчинённый, лихорадочно соображая, как отвечать, чтобы не сразу выдать Кароля, но и не попасться на вранье.

– Ищи! Старайся!

Сергеев решил, что пора перехватить инициативу:

– Михаил Яковлевич, я сомневаюсь, что покушение имело место.

– Ты что говоришь? – подполковник словно увидел, как его начальник подскочил на месте. – Завтра мне предстоит докладывать начальству о ходе расследования, и что я скажу – нечего расследовать?

– Михаил Яковлевич, исходя из данных экспертизы, неизвестный стрелял не в депутата, а в покрышки его машины. В стёклах автомобиля никаких пробоин нет. Вообще никаких повреждений, только три покрышки прошибы пулями.

Лыков закашлялся и не сразу спросил:

– Зачем это ему понадобилось – машину портить?

Сергеев вздохнул: сейчас – или никогда!

– Полагаю, что машина господина Иванова нарушила правила дорожного движения. Она сбила двух гражданок, которые шли по переходу…

– Что такое ты говоришь?! Они же нарушили, перебегали в неподложенном месте!

– Товарищ полковник, даже если так считать, то получается, что шофёр при виде этих женщин не сбросил скорость. Тормозного пути нет. Тогда получается, что неизвестный стрелял в машину, чтобы спасти этих женщин! А кроме того – не позволил депутату наехать на детей!

Лыков застонал:

– Что мне делать?

– Полагаю, нужно возбудить уголовное дело в отношении водителя депутата, а также рассмотреть вопрос об ответственности всех, кто находился в машине. Мы с вами понимаем ведь, что водитель не по своей инициативе нарушил правила. Господин депутат наверняка ему это приказал.

– Сергеев, а ты уверен?

Подполковник разозлился:

– Михаил Яковлевич, я вам сейчас принесу данные экспертизы!
– Не надо, я тебе верю. – Лыков шумно вздохнул. – Так что, стрелка искать не будем?
– Если только с целью привлечь его как свидетеля. Мне кажется, усилия того не стоят.
– Ладно, – уныло пробормотал Лыков. – Готовь материалы на возбуждение уголовного дела. Ох, чувствуя, вытурят меня за два года до пенсии...

Андрей

Москва, декабрь 1981 года

– Ёлочка, ёлочка! Можно, я загадаю желание? – мальчик хитро прищурился, улыбаясь и глядя на ёлочку, низ которой он нарядил игрушками, а выше добраться не мог. – Пусть мама и папа поскорее вернутся домой и никуда больше не уходят! Я так хочу, чтобы они всегда были со мной! Скучаю, когда их нет дома...

Ёлочка ничего не отвечала, только ветви её, разбуженные прикосновениями малыша, слабо покачивались, отчего игрушки легонько постукивали одна о другую.

– Ёлочка, ёлочка! А ещё я хочу...

Внезапно, прерывая мечтания мальчика, зазвонил телефон. Андрюша в замешательстве посмотрел на таинственный аппарат, по которому он разговаривал всего три раза – с мамой. Взять трубку или нет? Наверное, это папа или мама звонит...

– Ал-лё?

– Андрюша, милый... Здравствуй...

Это не папа и не мама, хотя голос знаком...

– Простите, мамы и папы нет дома!

– Андрюшенька... Это я, дядя Вова.

Дядя Вова, брат мамы, всего несколько раз приходил в гости к Каролям – на дни рождения. И у него Андрюша успел побывать пару раз – на праздники своей двоюродной сестры Риты. Мальчик растерялся: чего хочет дядя?

– Андрюшенька, у меня плохая новость. Я сейчас приеду. Ты мне откроешь?

Мальчик хотел было ответить, что лучше дождаться маму и папу, но вдруг почувствовал, что...

– Да... открою, – холодея от страшного предчувствия, пролепетал он.

Звонок в дверь раздался минут через пять.

– Кто там?

– Андрюша, это я.

Мальчик потянулся, открыл замок и отступил: дядя Вова выглядел как-то странно.

– Андрюша, мальчик мой хороший...

Наступила пауза, во время которой до ребёнка постепенно доходило, что сейчас он услышит нечто страшное.

– Андрюша... Мамы и папы больше нет...

– Почему? – мальчик скорее удивился, чем испугался: новость была слишком страшна, чтобы в неё поверить.

– Их убили, мой хороший. – Дядя Вова присел на корточки, обнял и прижал к груди ребёнка. – Андрюша, поедем ко мне!

Мальчик встрепенулся: только теперь, когда от него потребовалось действие, он понял, что означали чудовищные слова дяди.

– Нет!

Дядя Вова непонимающе уставился на племянника.

– Я не хочу! Не хочу! Это неправда!

Мальчик застучал кулачками по колену дяди Вовы, и тот мягко поймал детские ручки. Прежде чем дядя Вова нашёл что ответить, Андрюша заплакал.

– Нет... нет... – словно споря с самим собой и всё более чувствуя наваливающуюся тяжесть самой страшной потери, рыдал он. Дядя Вова мягко гладил ребёнка по головке и ждал, пока тот успокоится.

Андрюша затих, когда совсем обессилел. Дядя Вова вздохнул:

– Ты можешь идти? Если хочешь, я тебя понесу. Сядешь ко мне на плечо?

– Не хочу, – угрюмо отворачиваясь, пробормотал малыш. Он понимал, что дядя ни в чём не виноват, но он принёс самую ужасную весть, какая только возможна, и уступать ему не хотелось.

– Одевайся, мой мальчик.

Андрюша хотел было ответить, что ему всегда помогает одеться мама, но это бы означало, что сейчас к нему лишний раз прикоснутся руки дяди Вовы, а этого не хотелось. Не потому, что эти руки неприятны, просто – не хочется ничьих прикосновений. Он оделся сам, не глядя на дядю, и подошёл к двери. Однако, когда та открылась, не сразу ступил за порог. Словно надеялся, что вот-вот с лестницы войдут мама и папа.

Они спустились во двор и сели в чёрные «Жигули» дяди Вовы. Андрюша смотрел в сторону, изредка смахивая набегающие слёзы. Дядя Вова раздумывал, что и как сказать, и пред-почитал пока воздерживаться от излишних слов.

Когда дядина машина тронулась, увозя его от родного дома, памяти мамы и папы, детских игрушек, новогодней ёлочки, которой так и не доведётся приодеться в праздничный наряд, Андрюша беззвучно заплакал: здесь и в эти минуты заканчивалось его детство.

Андрей проснулся и почувствовал на лице слёзы – будто снова окунулся в тот ужас, самую страшную минуту своей жизни. Всего лишь сон... Рассудок подсказывал, что за сном не следуют искать ничего глубокого, но интуиция упорно твердила: берегись, это неспроста.

Андрей обернулся, чтобы посмотреть на самую прекрасную из женщин. Таня безмятежно спала, улыбалась во сне. «У нас будет ещё малыш», – с тайным восторгом обещанного отцовства подумал Андрей и осторожно, едва касаясь губами, поцеловал руку Тани, лежащую на подушке. Спать не хотелось – наверное, виной тому было злополучное видение. Кароль осторожно встал с постели и прошёл в соседнюю комнату. Сел за компьютер, включил. Внутри вспыхнул азарт: интересно, какую реакцию вызвал вчерашний материал о поведении господина депутата Иванова и его спутников?

«Ха, удивили! Водители вообще не дают пешеходам пройти по зебре, намеренно стараются сбить, а эти, которые приложились к кормушке, самые наглые».

«Когда просто по тротуару идёшь, стараются обдать из ближайшей лужи – специально по ней проезжают».

«Зачем вы обобщаете? Я сам вожу машину, «Мицубиси», и всегда пропускаю пешеходов. И из лужи никогда не обливаю».

«Ну, значит, вы один такой на всю Москву. А большинство водил просто звери».

Андрей не без разочарования отвернулся: его сообщение, вроде бы скандальное, почти не вызвало удивления у читателей, просто каждый высказал накипевшее. О пулях, выпущенных в депутатский автомобиль, вообще ни слова, словно их никто не заметил. Однако главное сделано, читатели в курсе случившегося, история получила огласку, и теперь господину Иванову будет гораздо труднее представить это событие как покушение на свою драгоценную персону.

Кароль вздохнул: при всём, что вроде бы дело идёт как надо, не оставляло ощущение какой-то тревоги. Видимо, оно и вызвало тот самый жутковатый сон. Конечно, воспоминания не выбросишь, да и не нужно от них шарахаться, и всё же не так часто они приходили к Андрею во время сна. Что не так? Как действовать, чтобы устраниТЬ основания для беспокойства? Наверное, правильнее всего поговорить с Сергеевым. Правда, в этом случае следователь не сможет сделать вид, что не знает, кто стрелял в депутатскую машину.

Сергеев

– Вызывали, товарищ следователь? – с нервной улыбкой обратился к нему белобрысый приземистый парень лет двадцати пяти в кожаной куртке, джинсах и кроссовках.

– Вы – гражданин Парамонов Аркадий Сергеевич?

– Да, – парень протянул повестку. Сергеев кивнул:

– Присаживайтесь, Аркадий Сергеевич. Вы работаете шофером у депутата Иванова Владимира Александровича?

– Да.

– Вы управляли вчера машиной, когда произошло дорожно-транспортное происшествие?

– Да, я, – тон водителя становился всё более озадаченный.

– Вы слышали выстрелы?

– Да...

– Сколько?

– Три. Кажется.

Сергеев удивлённо посмотрел на Парамонова: выстрел – не кукование кукушки, тут в количестве нелегко ошибиться, если не было автоматной очереди.

– Кажется – или три?

– Три, – кивнул Парамонов.

– Почему вы не затормозили перед женщинами, которых сбили?

Парамонов озадаченно закашлялся:

– Так ведь это... Стреляли в нас.

– Стреляли до или после того, как вы наехали на людей?

– Не помню... До.

– То есть вы остановились из-за выстрелов, а не оттого, что перед вами оказались люди?

Физиономия Парамонова отразила кипучую работу мысли.

– Товарищ следователь! На товарища депутата Иванова покушались!

– Почему вы так полагаете – из-за выстрелов?

– Конечно!

Сергеев пристально посмотрел вы глаза допрашиваемому:

– Вы сказали – выстрелов было три. Машине нанесено три повреждения, в цель попали три пули, но все – в покрышки. То есть вас хотели не убить, а остановить. До или после выстрелов вы наехали на женщин. Так где же тут покушение на депутата?

– Товарищ следователь... – промямлил Парамонов и замолчал. Сергеев подождал немного и спросил:

– Выстрелы были до или после того, как вы наехали на людей?

– Да! – с готовностью воскликнул водитель.

– Получается, вам в покрышки стреляли для того, чтобы вы ни на кого не наехали? Если бы не это, вы бы тех женщин задавили насмерть?

Водитель охнуЛ:

– Что вы, товарищ подполковник! Я же не убийца!

Сергеев вздохнул:

– Там два перехода. С какой скоростью вы проехали первый из них?

На Парамонова было жалко смотреть, он чуть не плакал.

– Товарищ следователь, я не помню...

В дверь постучали, и на пороге появился Зелинский. Сергеев недовольно посмотрел на него:

– Олег, извини, я сейчас занят.

– Только одну секунду! – поспешно произнёс майор, положил на стол перед приятелем какую-то распечатку и вышел. Водитель робко уставился на следователя: тот был похож сейчас на пса, настигшего кошку.

– Товарищ следователь, мне можно идти? – пробормотал Парамонов.

– Почти, – зловеще ответил Сергеев. – Гражданин Парамонов, объясните, что всё это значит? – и он положил перед своим собеседником распечатку фотографий с Интернета, которые поместил туда вчера Кароль. Парамонов побледнел, как бумага.

– Я жду ответа.

– Товарищ следователь... я...

Последовала пауза, в течение которой Сергеев понемногу успокаивался.

– Гражданин Парамонов! Вы задержаны по подозрению в том, что являетесь виновником опасного дорожно-транспортного происшествия! Вы также подозреваетесь в даче заведомо ложных показаний, которые могли привести к ошибочному обвинению другого человека в покушении на депутата Иванова!

– Это не я!

– А кто?

– Это Владимир Александрович!

– Иванов?

– Да! Он сказал, чтобы все мы говорили про покушение...

– А на самом деле как было?

Парамонов ответил не сразу, и следователь добавил:

– Вы имеете право отказаться от дачи показаний, всё равно результаты экспертизы, с учётом вот этого снимка, – он помахал распечаткой, – дают исчерпывающую картину события.

Парамонов вздохнул и глухо заговорил:

– Владимир Александрович говорит: какой русский не любит быстрой езды? И требует, чтобы я даже в городе ездил быстро, не останавливаясь на переходах. Обычно я стараюсь выбрать такой маршрут, чтобы на нём оказалось поменьше переходов, но на этот раз не получилось. В общем... виноват я, товарищ следователь. Но иначе меня бы уволили.

Сергеев подвинул к Парамонову протокол допроса:

– Прочтите свои показания и подпишите.

Водитель уныло кивнул и подписал не читая.

– Может, вы меня отпустите? У меня двое детей...

– Пока не могу, вы совершили опасные действия. Возможно, прокуратура и суд пойдут вам навстречу, особенно если будете правдивы в показаниях.

– Меня теперь уволят...

– Боюсь, этого не избежать, и это ещё не худший для вас вариант. – Следователь снял телефонную трубку:

– Проводите задержанного в следственный изолятор.

Депутат Иванов

Он готовился к очередному заседанию фракции, когда дверь открылась и в кабинет, не здороваясь, тяжелыми, размашистыми шагами вошёл лидер фракции «Красное пробуждение» Жиганов Геннадий Анатольевич – Товарищ Ге, как его насмешливо прозвали политические противники.

– Что это такое, я тебя спрашиваю? – заорал он с порога и швырнул в физиономию соратнику экземпляр газеты «Новые веяния». Иванов растерянно взял газету: на первой странице красовались фотоснимки вчерашнего происшествия с издевательскими комментариями журналиста, вроде того что защитники трудящихся с удовольствием давят этих самых трудящихся, когда те имеют наглость мешать прокатиться с ветерком.

– Это фальшивка, – слабым голосом выдавил из себя Иванов, взирая на страшные снимки.

– Ах, фальшивка! Тогда подай заявление в милицию! – орал Товарищ Ге. – Пусть там проведут экспертизу! Или убирайся ко всем чертям в отставку!

– Подам заявление, – вздохнул Иванов. – После заседания.

– Нет, ты сейчас его подашь! А до тех пор, пока не разберёшься с этим делом, я тебя отстраняю! Будешь ходить только на общие голосования, ясно тебе?

– Ясно, – уныло пробормотал Иванов, не замечая нелогичность начальственных реплик и лихорадочно думая, что делать с проклятыми снимками.

– Гх-м! – зловеще прорычал Товарищ Ге и вышел, сильно хлопнув дверью. Этот звук словно пробудил Иванова – он тотчас схватился за телефон. Набрал номер своего водителя.

– Алло, – послышался в трубке унылый голос Парамонова.

– Ты где сейчас?

– В МУРе. Меня отправляют в СИЗО.

– Что? Кто ведёт дело?

– Подполковник Сергеев. Владимир Александрович, я не могу говорить, меня сейчас уведут.

Связь разъединилась, и Иванов выматерился. Только этого недоставало – чтобы дурак-водитель ещё и загремел за решётку. Будет ли он молчать, скотина? Надо как угодно заставить его держать язык за зубами. Но этого недостаточно, со снимками проклятыми тоже нужно разобраться. Откуда они взялись? – он схватился за газету и просмотрел текст внимательнее. А, вот адрес сайта, зайти туда немедленно. – Он бросился к компьютеру и лихорадочно, едва попадая по клавишам и делая ошибки, вошёл… Чёрт, точно, вот оно… Какая сволочь здесь это разместила? Это мог сделать только тот, кто стрелял! А, всё понятно: на этом сайте материалы может размещать любой желающий, достаточно зарегистрироваться под каким угодно ником. Вот этот гад – под ником «Монарх». Срочно найти эту сволочь…

Иванов снова схватился за телефон, от волнения выронил трубку. Изнутри попёрло нездоровое возбуждение – хотелось немедленно найти проклятого Монарха, разорвать его в клочки, заставить публично сознаться в фальсификации, ещё чёрт знает что с ним сделать…

– Семён, у меня проблема. Очень серьёзная. Выручай! За мной, сам понимаешь, не заржавеет!

Люба

Она шла по тёмному переулку, когда навстречу ей из подворотни выскользнули трое парней самого зловещего вида и перегородили путь.

– Что вам нужно? Дайте пройти!

Один из парней вытащил нож:

– Идёшь с нами, детка! И без шума!

Недолго думая, Люба прыгнула вперёд, движением ноги сразу выбила нож, оглушила противника, двое других бросились бежать...

– Снято! – радостно заявила Меняшикова. – Молодец, Люба!

– Галина Александровна, можно мне сказать?

– Да, конечно! Ты чем-то недовольна?

– Да. Почему он сразу вытащил нож? Он что, знает, что Маша, моя героиня, умеет драться? Почему она не пытается убежать, а сразу нападает на него? А двое его сообщников стоят и смотрят, а потом убегают.

– Хорошо! – энергично кивнула режиссёр. – Давай поставим так, как тебе кажется лучше.

Люба обратилась к «хулиганам»:

– Вы, – кивнула «бандиту с ножом», – встретите меня спереди. Нож выньте, но не угрожайте им, а просто играйте, как будто шутите. – А вы, – обратилась она к двум другим, – заходите сзади, когда я попытаюсь отступить. Так годится? – молодая женщина вопросительно посмотрела на Меняшикову.

– Отлично! Очень зловеще! Снимаем!

Статисты, изображающие хулиганов, с удовольствием поддержали мысль Любы. Через полминуты в «переулке» разгорелась пусты и киношная, но довольно эффектная драка. На этот раз довольны остались все.

– Молодец, Люба! – громко сказала Меняшикова. – Теперь я понимаю, почему Алина так дорожит вами! Перерыв!

Люба подумала, что не помешает использовать хорошее настроение режиссёра, и подошла к ней Меняшикова приветливо улыбнулась, и женщины вышли на свежий воздух.

– Курите? – поинтересовалась режиссёр.

– Нет.

Меняшикова кивнула и спрятала в сумочку вынутую было пачку сигарет.

– Галина Александровна, я хотела вот что спросить...

– Что угодно! – улыбнулась режиссёр. – Только – можно, мы перейдём на «ты»? И зови меня по имени, если можно.

Люба неуверенно кивнула: она и к Алине обращалась на «вы», хотя та в ответ «тыкала», а ведь Меняшикова старше. Но, с другой стороны, почему бы не пронивелировать разницу в возрасте?

– Можно, Галя. Давай, будем на «ты». Я хотела спросить: почему ты ушла с эстрады? Ты так великолепно пела! Я прослушала записи...

– Спасибо, – улыбнулась Галина. – Мне очень приятно, что тебе понравилось, правда! А почему ушла... – она вздохнула и задумчиво добавила:

– Это длинная история.

– За перерыв не успеем?

– Нет, но можем начать! – засмеялась Галина.

Пермь, апрель 1980 года

Галя со смешанными чувствами смотрела в окно поезда, как приближается родной город. Неполных два года назад уехала отсюда, поругавшись с мамой и твёрдо решив не возвращаться, пока не удастся показать себе и окружающим, на что способна. Но вот время прошло, безвестная провинциалочка Галя Сидорцева стала популярной певицей Галиной, солисткой ансамбля «До-ре-ми» – и именно в этом качестве возвращается на родину. Да и фильм «Сцена» должен скоро выйти на экраны, а через месяц предстоит сниматься в роли Ассоль. Своебразный ответ маме – на её слова «Ты – ничтожество!», пусть и сказанные в запале, но от этого не менее неприятные. А ещё скорее – ответ себе самой. Не с пустыми руками домой прийти...

Однако внутренний голос подсказывал, что не всё так просто, нужно готовиться к разным сюрпризам. Поэтому, хотя в чемодане лежали столичные подарки для мамы и младшего брата, Галя чувствовала себя не в своей тарелке.

Вот и железнодорожный вокзал. Сердце замирает... Выйти из белого здания – и словно спасательный круг отбросила. Ну, теперь в пучину... На такси не хочется, денег гораздо меньше, чем хочется признаться вслух, только автобус. Домой...

Надо отвлечься, чтобы не нервничать. О чём бы таком подумать? Ребята из родного ансамбля уехали на время Олимпиады на север, в стройотряд – и денег зарабатывают, и с милицией меньше проблем, а то им всем прозрачно намекнули, что не желают видеть их в столице до сентября.

Позади остаётся дом Мешкова. Ещё немного...

Вот и подъезд. Войти... в ноздри ударяет запах кошачьих безобразий – малоприятный, но какой-то родной. Шаг за шагом отсчитывают каблуки по ступенькам. Как поступить: открыть самой или позвонить? Хозяйка вернулась или гостья заглянула? Рука сама тянется к звонку...

Щёлкает замок.

– Мама, здравствуй, это я!

Реплика глупая, но вырвалась сама, не спрашивая.

– Здравствуй. Входи уж.

Мамин голос безрадостен – и сердце падает в пустоту.

– Галя, Галя приехала! Ура! – из комнаты выбегает Серёженка. Не обращая внимания на мамины хмурые брови – присесть, обнять братика.

– Серёженка, а я привезла подарки!

– Ура! Подарки! – братик радостно хлопает в ладоши. Быстрее, пока его восторг не успел остыть – к чемодану, открыть, вынуть припасённую коробку...

– Ура! Пожарная машина! – ликует братишко. – Совсем как настоящая!

– Мама, а вот – тебе!

Мама берёт в руки белую кофточку, рассматривает...

– Спасибо.

И это всё? Радость, вызванная восторгом Серёженки, испаряется, уступая место глухой обиде на мамино равнодушие. Невольно вырывается горький шёпот:

– Надень хотя бы...

– Потом.

Похоже, неприятного объяснения не миновать, однако спешить с ним не стоит – пусть хотя бы братик к себе вернётся, поиграть с подарком. Но он не уходит...

– Галя, расскажи, пожалуйста, про Москву!

Ой... Что про неё рассказать? Все вроде знают. Наверное, открытки с достопримечательностями надо было привезти.

– Москва – очень большой город. Самый большой в нашей стране...

– Столица, я знаю! – радостно подхватывает Серёженка. Я киваю, изображаю улыбку, начинаю пересказывать общезвестные вещи. Хоть бы братик уточнил, что его интересует, а то в голове совсем не столичные красоты...

– Потом поговорим о Москве, – ледяным голосом говорит мама. – Раз уж приехала, иди мыть руки – сейчас будем обедать.

Почему она так разговаривает со мной? За два года не простила наш последний скандал? Который, собственно, не я же затеяла… Однако не затем я приехала, чтобы устраивать новые выяснения. Лучше молча пройти в ванную, принять душ после дороги…

Вот я и готова идти к столу. Запах привычных вкусняшек приятно ласкает обоняние, и я невольно улыбаюсь, откладывая все обиды на потом, а лучше – ещё подальше куда-нибудь…

Обед позади, мама начинает убирать со стола, и я пытаюсь помочь ей.

– Да ладно, иди уж в комнату, столичная знаменитость, – произносит она с презрением, и я не могу сдержать удивление:

– Мама, почему ты так разговариваешь со мной? Что я такого сделала?

– И ты ещё спрашиваешь!

– Да, спрашиваю! Ты имеешь в виду – уехала в Москву два года назад? Разве я не доказала тебе после этого, что я вовсе не ничтожество?

– Ты хуже!

Я ахаю и сажусь на ближайший стул, едва не промахнувшись.

– Что значит – хуже?

– Сколько у тебя любовников? А?

Только теперь до меня доходит, в чём мама меня подозревает.

– У меня нет любовников. Ни одного. Извини за подробность – я девственница.

– Тогда почему ты одеваешься и выступаешь на сцене, как последняя шлюха?

Моё удивление нарастает. С запозданием вспоминаю, что ещё несколько лет назад тоже думала, что проститутка – это женщина, которая одета так, что видны её колени, спина, плечи… Но при чём здесь сцена?!

– Мама, что такое ты говоришь? Ты видела хоть одну настоящую проститутку? Хотя бы по телевизору!

– Ты выходишь голая перед мужиками, прыгаешь, вертишь задницей, поёшь всякие пошлости!

– Когда это я пела пошлости? Мой репертуар – классика западной музыкальной эстрады! И не верчу я ничем, а пританцовываю во время пения!

– Там все проститутки! И гомосексуалисты!

В коридоре появляется мой братик, он тревожно смотрит на нас.

– Марш в комнату! – гаркает моя мама.

– Зачем ты на него кричишь? – ахаю я. – Что плохого он сделал?

– Это тебя не касается! Ты проститутка, а не сестра!

До меня вдруг доходит, что моя мама говорит очень странные вещи.

– Мама, когда ты меня видела по телевизору? Меня ни разу не снимали!

– Видела! У соседа, Вальки, есть твоя запись! Это, как его, видео!

Моя тайная надежда, что меня как-то тайком, без моего ведома, сняли для центрального телевидения, испаряется. Кинокамерой заснять чуть ли не любой может, во время выступления такое происходит на каждом шагу. Однако не так плохо у нас живут, если уже видеомагнитофоны в ходу. Вот так популярность: денег нет, по центральному телевидению не показывают, зато моя мама пребывает в убеждении, что я… Чёрт знает что, вот уж невезение. А впрочем…

– Скоро выйдет фильм «Сцена», – с олимпийским спокойствием сообщаю я. – Там я пою. Вместе с нашим ансамблем.

– Ага! – и мама уличающим жестом воздевает указательный палец. – А говоришь, у тебя нет любовника! Сразу много!

Мне остаётся только пожать плечами. Если для мамы даже моя девственность не аргумент, то поделать вообще ничего нельзя.

— Что же, мама. Извини, я не хотела тебя огорчать. Думала, наоборот — помиримся после старых обид. Значит, не суждено. — Я поднимаюсь со стула и иду в коридор к своему чемоданчику, стараясь не разреветься, пока не переступила порог.

— Галя! Подожди, куда ты? — не очень громко и как-то просительно говорит вдруг мама.

— Ты же меня выгоняешь. Не хочу навязываться.

Чувствую, как к горлу подкатывают слёзы. Не так я видела встречу с родной мамой в доме, где прошло моё детство.

— Доченька, погоди! — мама спешит ко мне и вдруг обнимает. — Извини, родная моя! Я тебе глупостей всяких наговорила со зла! Прости старую дуру!

Мне трудно прощать или не прощать маму. Я просто люблю её. Я обнимаю её и целую в щёки — ту, которая выносила меня под своим сердцем, родила и вырастила, одна, без отца.

— Мама, я тебя люблю! Пожалуйста, давай не будем ругаться!

— Да, доченька, не сердись на меня, умоляю!

— Пойдём к Серёженьке!

— Да, доченька, ты права!

Мы направляемся в переднюю комнату. Мой братик в слезах.

— Серёженька, милый, не плачь, пожалуйста! Ну, прости свою дурную мать! Твоя сестричка хорошая, красивая, знаменитая, всё будет замечательно!

Однако слёзы не торопятся уйти, и мы воздаём им дань — теперь уже втроём.

На следующее утро, едва встав и сделав зарядку, Галя обнаружила, что в доме нет хлеба.

— Мам, я в булочную! — сообщила она, уже одеваясь, когда мать выглянула из своей комнаты и посмотрела на дочь вопросительно.

— Иди, доченька. Спасибо тебе.

— Не за что, мамочка! — весело отозвалась Галя. — Я ведь тоже буду завтракать! — с этими словами она надела сапожки, накинула плащ и выпорхнула за дверь.

Вопреки её ожиданиям, знакомая булочная за углом оказалась закрыта на учёт. Девушка растерялась, но вспомнила, что через квартал есть ещё одна, и направилась туда.

— Галя! — ахнул вдруг кто-то рядом. Девушка обернулась.

— Женя! Привет!

Евгений сидел в школе за одной партой с Галей, и они даже немного целовались иногда после уроков.

— Как ты похорошела!

Галя рассмеялась:

— А раньше была дурна собой?

— Нет, ты всегда была красавица! Просто теперь... теперь... — Юноша нервничал, краснел, щёлкал пальцами, пытаясь найти нужные слова, объяснить, что же такое в Гале «теперь».

— А твои дела как, Женя?

Восторженное выражение сбежало с лица молодого человека.

— В институт поступить не удалось — недобрал до проходного балла. И... завтра ухожу в армию, — произнёс он глухо. Девушке стало не по себе. Она подошла ближе к однокласснику, мягко коснулась его руки:

— Удачи тебе, Женя! Пусть всё сложится хорошо!

— Галя! Можно, я буду писать тебе?

— Конечно! Запиши... — она продиктовала свой московский адрес. Евгений вздохнул с облегчением:

— Спасибо! А то ты вдруг исчезла, я и не знал, что думать. Выходит, ты теперь в Москве? Учишься?

— Пока нет. Попробую летом поступить во ВГИК.

Глаза юноши широко раскрылись:

– Ты хочешь быть актрисой?

– Тебя это удивляет? Я уже снялась в фильме «Сцена» – говорят, неплохо получилось. И меня пригласили на роль Ассоль. Съёмки начинаются через месяц.

Женя кивнул:

– Я всегда знал, что ты самая талантливая среди нас. Так ты мне позволишь писать тебе из армии?

Девушка улыбнулась:

– Конечно, для этого и дала тебе адрес! Постараюсь отвечать без задержек! Только звонить не обещаю.

– Да, разумеется. – Юноша бережно спрятал бумажку с адресом Гали в карман. Взглянул нерешительно:

– Галя… Можно мне сегодня вечером пригласить тебя в кино?

Сидорцева улыбнулась:

– Женечка, если хочешь погулять со мной, зачем кино? Давай просто пройдёмся по городу, а то я немного отвыкла. А кино… видела я афиши – сейчас ничего интересного не показывают.

Судя по глазам Евгения, обращение «Женечка», слишком покровительственное для девушки, принявший приглашение на свидание, не порадовало юношу. Он сдержанно вздохнул и произнёс:

– Можно, мы встретимся у твоего дома? В пять часов.

– Можно! – ободряюще кивнула девушка. Она хотела было добавить, что цветов покупать не надо, но подумала, что в этом случае кавалер почувствует себя совсем нищим. В воздухе повисла неуверенная пауза.

– Извини, Женя, мне надо в булочную. Увидимся вечером!

– Давай вместе! – обрадовано заявил вдруг Евгений. – Мне тоже туда нужно!

Девушка не стала напоминать, что сначала он шёл в другую сторону. Вместе так вместе, ничего против компании Жени она не имела. Конечно, не таким она себе представляла будущего мужа… но с другой стороны – не представляла его себе пока вообще.

Они подошли к булочной, и девушка тихо ахнула: ну и очередь! Хвост протянулся из дверей метров на десять.

– Кошмар! Сколько же мы здесь простоям?! – воскликнула она. Женя оказался на высоте:

– Тебе ничего не надо покупать в овощном? Тут рядом. Но там наверняка тоже очередь.

«Да, верно», – мысленно согласилась девушка, а вслух заметила:

– У нас картошки маловато. Ты не купишь на мою долю? А я подожду здесь – если очередь подойдёт быстрее, возьму и для тебя. Тебе что нужно?

– Белый хлеб, какой будет, – деловито заметил юноша. – А если вдруг окажутся пирожные – несколько штук. Всё равно какие. Ну, я пошёл!

Девушка кивнула и окинула взглядом очередь впереди. Человек пятнадцать стояли понурившись, с видом солдат, удерживающих последний рубеж обороны родной страны. Прямо перед Галей – полная краснолицая тётка, то и дело негромко охающая. В какой-то момент она обернулась к Сидорцевой и сказала:

– Девушка, я отойду на минутку.

Галя с готовностью кивнула: опыт советских очередей говорил, что «минутка» может означать что угодно, в том числе и элементарный уход домой. Впрочем, скорее всего, краснолицая дама тоже намерена заглянуть в овощной магазин.

Тем временем, очередь понемногу продвигалась. Минуту через двадцать Галя уже подошла к дверям и тут же услышала визгливый голос:

– Вас тут много, а я одна! Сейчас вообще перестану продавать и закрою магазин!

– Не имеете права! – спорил старческий фальцет. – Тут вам не Америка! Вам государство деньги плотит, чтобы трудящихся как следует обслуживали!

Та часть очереди, которая уже находилась в буточной, застонала. Послышался усталый женский голос:

– Товарищ, не отвлекайте её! Пусть хоть как-нибудь работает! Подумайте о других! Вам так важно спорить – придите в другой раз!

– Вы принципиальный, а меня двое детей голодных ждут дома! – поддержала другая женщина. Старичок недовольно заворчал, а потом выкрикнул:

– Вот из-за таких, как вы, продавцы и хамят! Нужно всем вместе!

– Что – вместе? – словно стена, отозвалась первая из женщин. – Ну, напишете на неё жалобу. Допустим, уволят её. А кто пойдёт на такую зарплату, а?

– Вот именно! – с готовностью подхватила продавщица. – Вы, гражданин, пойдёте на моё место за восемьдесят рублей в месяц? А? Целый день у прилавка! И зимой!

Старичок замолчал, озадаченный. Однако его протест возымел действие – очередь стала продвигаться намного быстрее. Вскоре Гая увидела, из-за чего сыр-бор: в витрине оказались эклеры. Видимо, их завезли рано утром. Теперь бы ещё хватило…

Минут через пять она подошла к продавщице:

– Мне, пожалуйста, белый хлеб! – она указала на тот единственный вариант, который наличествовал на полках. – Три батона! И пирожные – восемь штук!

– Пирожные отпускаем по две штуки в одни руки, – металлическим голосом отозвалась продавщица, и Гая пришла в замешательство. «Ничего не поделать, – подумала она. – Возьму два эклера для Жени, и ладно. А то он сейчас мается в очереди за овощами…»

Однако, когда она уже открыла рот, чтобы изменить заказ, до её ладони дотронулась рука Жени. Юноша был весь красен и тяжело дышал, но цепко держал две авоськи, набитые картошкой и помидорами. Гая чуть не ахнула, увидев ещё и малосольные огурцы: да это же целое пиршество! Однако вместо того, чтобы ахать, поспешило обратилась к продавщице:

– А мы вдвоём! Дайте четыре эклера, пожалуйста!

– Этот мужчина только что подошёл, – недовольно произнёс сзади женский голос, но продавщица, скривив обиженную мину, запаковала требуемое.

– В кассу!

Ещё через десять минут молодые люди получили, наконец, свою покупку и начали притискиваться к выходу. Сейчас очередь была вдвое длиннее, чем когда пришла Гая. Кто-то ахнул:

– А где вы огурчики брали?

– В овощном, за углом направо, – торопливо, избегая излишних выяснений, ответил Женя, вместе с девушкой пробираясь к выходу. Они облегчённо вздохнули, оказавшись на улице, а очередь вокруг завистливо загудела.

– Извините, вы случайно не Гата Сидорцева? – неожиданно обратился к девушке молодой человек в джинсах.

– Да… – неуверенно пролепетала та, прикидывая, как бы избежать новой задержки и при этом не слишком обидеть незнакомца.

– Я был на ваших концертах. Потрясающе!

Гая невольно улыбнулась: здесь, среди толчей и давки в погоне за элементарными продуктами питания, приятно вспомнить московские концерты.

– Спасибо.

– Простите мою наглость: нельзя ли ваш телефончик? – спеша ковать горячее железо, продолжил парень. Гая поймала ошеломлённый взгляд Жени:

– Извините, не могу. Я послезавтра возвращаюсь в Москву, и где буду жить, пока не знаю. Мне очень приятно, что вам понравилось моё пение, но я должна идти. Всего вам хорошего!

И она поспешило удалилась, вынуждая поклонника выбирать между хлебом к завтраку и погоней за любимой певицей. Женя облегчённо вздохнул и произнёс недовольно:

– Ишь, стиляга.

Девушка удивилась:

– Ты чего – ревнуешь? Никакой он не стиляга.

– Волосы длинные.

– Разве? Мне показалось – нормальные.

Женя ничего не ответил, только отвернулся обиженно. Внезапно оживился:

– Галя, тебе мяса не надо?

– Не помешает, наверное.

– Тогда зайдём в гастроном!

Девушка поняла, что мясо – не более чем предлог, чтобы отвлечься от «стиляги». В местном гастрономе отродясь не было ничего мясного, кроме костей и чудовищных жилистых кусков, из которых худо-бедно удавалось сварить суп. Даже сосиски можно было купить только в центре города. Однако огорчать спутника не хотелось, и они вошли в магазин. Увы – знакомая картина в мясном отделе: две толстухи-продавщицы оживлённо судачили о вчерашнем телесериале, а на витрине покоялась, привлекая лишь мух, груда костей, словно здесь побывала стая голодных волков. Одна из продавщиц бросила мимолётный взгляд на визитёров и тут же вернулась к увлекательной беседе.

– Да ну, Женя! – как можно веселее сказала Галя. – Мы уже купили всё что нужно, не будем жадничать. Пошли по домам!

Юноша радостно кивнул, ничуть не огорчаясь привычной нищете прилавков, и они продолжили путь. Через пять минут подошли к дому Гали. Девушка вопросительно посмотрела на кавалера, но тот сделало вид, что не замечает её взгляда, и донёс авоськи до самой двери, которая тотчас открылась.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна! – обратился Женя к матери Гали.

– Здравствуй, Женечка. Говорят, ты вот-вот в армию уходишь?

– Да, завтра.

Мама посторонилась, пропуская молодых людей с покупками.

– Женечка, позавтракаешь с нами?

– Спасибо, Надежда Николаевна, но меня мама ждёт.

– А… Тогда иди, конечно. Спасибо тебе!

Галя отдала юноше пирожные, но тот немедленно вынул два из них:

– Надежда Николаевна, эти – ваши! Чтоб поровну!

– Эклеры? – удивилась женщина. – Надо же… Какие вы молодцы! И картошку купили, помидоры, и огурчики солёные… – она поспешило принялась чистить картофель. Галя открыла было рот, чтобы пересказать матери перипетии стояния в очередях, но поймала взгляд юноши – и сделала себе замечание: Жене завтра в армию… его бы сейчас поддержать.

– Женя, отнеси домой продукты, а потом приходи к нам!

Глаза юноши радостно расширились:

– Спасибо… Только я дома позавтракаю, ладно? А то мама огорчится.

Галя улыбнулась:

– Хорошо, но потом сразу к нам!

Женя с удовольствием кивнул, подхватил одну из авосек и свои пакеты с хлебом и пирожными – и бросился к дверям. Мать закрыла за ним, прислушалась к удаляющимся шагам, вернулась к картошке и сказала:

– Галочка, он тебе нравится?

– Не знаю, мама. Но ему уходить на армейскую службу, и я хочу сделать его последний день перед призывом как можно приятнее.

– «Приятнее»… Смотри, не увлекайся.

Щёки девушки вспыхнули при мысли о том, какой смысл мать вложила в это слово, но Галя сочла за лучшее промолчать. Из передней вышел Серёженек:

– Мама, я кушать хочу!

– Сейчас, сейчас, миленький! – засуетилась глава семейства. – Вот-вот будет всё готово, только на стол накрою!

– Мама, я помогу тебе!

– Нет, Галочка, не надо, я сама.

Наверное, помочь дочери была бы не лишняя, но девушка не настаивала, памятую вчерашние события. Всё же вскоре стол был готов, и все трое уселись завтракать.

– Ура! Картошечка! И огурчики! – обрадовался мальчик при виде первого блюда, а Галя тихо вздохнула при мысли о том, как же скромна радость братишки. А ещё впереди эклеры, которые надо разделить на троих. Вернее, один полностью достанется брату, а другой – пополам между матерью и дочерью… Или просто отложить его на потом для мальчика.

Видели бы мама и братишка, как пытаются важные товарищи в московских ресторанах… Но нет, не надо им пока это видеть, успеют.

Они почти не разговаривали во время еды: Галя была поглощена мыслями, а её матери и брату нечасто доводилось так пировать. Но вот завтрак окончился, и мать забрала посуду в мойку. Галя тихо вздохнула, огорчённая тем, что ей не позволено участвовать в хозяйственных делах сверх похода за хлебом и картошкой. Однако минуты шли, вот-вот должен был появиться Женя, и девушка спешно занялась своим внешним видом. Имея немалый опыт в деле макияжа – вот оно, влияние Москвы! – Галя быстро привела в должный вид свои губы и ресницы. Немного пудры – и измотанная очередями провинциалочка превратилась в гостью из столицы. После недолгого размышления девушка выглянула в окно, убедилась, что с утра потеплело и светит солнышко, и надела босоножки и белое платье в цветочек, чтобы не выглядеть совсем уж чуждой этому городу.

– Мама, как я смотрюсь? – она повернулась на каблучках.

Надежда Николаевна бросила придирчивый взгляд на дочку, вздохнула, пожала плечами:

– Ничего, хорошо выглядишь. Лучше, чем когда на сцене выступаешь. Смотри, не пропустись, надень плащ, если пойдёшь гулять..

Галя проглотила сомнительный комплимент и вернулась к себе. Раздался звонок в дверь, и девушка открыла. На пороге стоял Женя. Гладко причёсанный, одетый в тот же самый костюм, который Галя видела на нём во время выпускного бала, юноша протягивал ей букет. Девушка улыбнулась:

– Заходи, Женя!

Первым делом поставила цветы в вазу – и сразу обратно, к кавалеру.

– Куда пойдём? Погуляем?

– Да! Давай!

Галя последовала совету матери, накинула плащ, и они с юношей вышли. Девушка отлично понимала, что у Жени непросто с карманными деньгами, и старалась как можно меньше допускать ситуаций, в которых бы пострадало его мужское самолюбие. Они просто пошли, не спеша, вдоль улиц родного города. Галя держалась за руку парня, которому завтра идти на воинскую службу, и не без удовольствия ощущала спиной взгляды мужчин. Нравится ли Женя? Не стоит задумываться об этом сегодня. Пусть сначала отслужит и вернётся из армии…

– Галя, это правда, что ты поёшь на сцене?

Девушка смущалась: меньше всего хочется даже отдалённого повторения вчерашнего разговора с мамой.

– Правда, – пробормотала она, лихорадочно думая, что отвечать, если…

— Можно, я тебя попрошу спеть что-нибудь для меня?
Галя радостно улыбнулась и облегчённо вздохнула:
— Да, конечно! А что бы ты хотел?
— Всё равно! Мне бы только услышать твоё пение!
Подумав немного, Галя запела:

Я всегда о чём-нибудь
Мечтала,
Унеслись уж те
Мечты мои.
Я жила в нём,
Мире моём,
Что дороже был мне
Всей моей семьи.
Мне твердили —
Ты должна быть первой!
Среди прочих самой-самой быть.
Только вперёд,
Слава зовёт,
Или пасть,
Иль к звёздам дерзко воспарить!

Женя застыл, зачарованно глядя на свою спутницу — точно так же, как реагировали обычно её слушатели. Только к ним эта песня приходила под аккомпанемент ансамбля. Оказывается, не так это важно...

Первым быть, первым быть —
Разве так необходимо?
Первым быть —
Без этого нельзя?

Первым быть, первым быть —
Но слава обернётся дымом!
Первым быть —
Потратишь жизнь ты зря!

Галя не сразу заметила, что пританцовывает. Женя тоже изображал неуверенные па. Проехавшие вокруг останавливались, с изумлением вслушивались в удивительный голос и застывали на месте.

Но с тех пор
Уж много миновало,
Мне любовь
Дороже пыли звёзд.

И в трудный час
Спой в первый раз,
Спой со мной
И распрымись во весь свой рост:

Первым быть, первым быть —
Так желанно стать звездою!
Первым быть —
Объять над миром власть!

Первым быть, первым быть —
Но лучше быть самим собою!
Первым быть —
А звёзды могут пасть!

Первым быть, первым быть —
Так желанно стать звездою!
Первым быть —
Объять над миром власть!

Песня окончилась. Женя слегка тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и выдохнулся:

– До чего красиво!
– Да, мне эта песня тоже нравится. Только обычно я пою с аккомпанементом. То, что ты сейчас слышал – это так...
– А мне понравилось! – настойчиво заявил Женя. – Галя, мне бы хотелось... Когда я вернусь из армии...
– Спеть ёщё раз? – поняла его девушка. – Этую же самую или другую?
– Этую же. А потом – какую захочешь.

Гале показалось, что на глазах юноши выступили слёзы, и она растрогалась. Если бы вокруг не было прохожих, она бы, пожалуй, поцеловала этого мальчика – только в щёку, разумеется. А впрочем... мало ли как он это воспримет, так что не сейчас. Пусть благополучно отслужит в армии и вернётся домой, тогда и можно будет подумать... о поцелуях.

– Куда сейчас пойдём? – спросила она, скорее чтобы отвлечься от мыслей... о поцелуях. Лицо Жени приобрело растерянное выражение, и Галя поспешила уточнить свой вопрос:

– Может, прогуляемся там, где в последнее время были какие-то переделки? А то я ничего нового не знаю в своём родном городе. – После небольшой паузы, добавила. – И вообще, заглянем туда, где тебе приятно побывать.

Молодой человек улыбнулся и неуверенно кивнул. Было видно, что он немного опасается разочаровать свою спутницу.

– Поедем, для начала, в дом Грибушина?
– Ага, давай!

Они прошли к автобусной остановке. Разговор как-то сам собой перескочил на школьные воспоминания. Молодые люди смеялись, обсуждая полузаубытые контрольные и экзамены, мелкие классные интрижки, школьные мероприятия. Незаметно дождались автобуса, добрались до улицы Ленина, дома номер 13а. Воспоминания прервались, когда молодые люди приблизились к синему с белым фасаду, на котором, словно широко раскрытые в удивлении глаза, выступали окна, а затем вошли внутрь. На этом беседу пришлось прервать – вокруг царила

тишина, которую нарушал только негромкий стук подошв посетителей. Держась за руку, молодые люди не спеша двинулись по комнатам, рассматривая интерьеры. Гая и Женя уже были здесь несколько лет назад, во время школьной экскурсии, но это ведь не то же самое, что вдвоём...

Словно подталкивая их воспоминания, послышался топот десятков ног, приглушённые голоса, и молодые люди увидели группу детей в красных галстуках – видимо, как раз школьная экскурсия. Малыши лет десяти-двенадцати с интересом поглядывали по сторонам, подходили к экспонатам, несмело тянулись к ним руками, словно раздумывая, потрогать или нет. Гая оглянулась в поисках учителей. Немолодая женщина в очках, одетая в дешёвый, но строгий костюм, с суровым выражением на лице, окидывала взглядом своих подопечных, изредка тихо окликая того из них, кто проявлял излишнюю инициативу. Появилась и экскурсовод – низенькая седая старушка с усталым лицом. Гая вопросительно посмотрела на своего спутника:

– Присоединимся к ним или пойдём дальше?

Однако Женя явно не собирался принимать какое-либо решение, его вполне устраивало прикосновение руки Гали, и после недолгого раздумья девушка потянула его в другую комнату.

– Вы – Галина Александровна? – послышалось вдруг рядом. Девушка обернулась: к ней обращался низенький седой толстячок, пыхтеvший, как будто только что бежал.

– Да, я.

Толстячок вынул носовой платок и вытер пот со лба.

– Извините, не представился. Филатов Герман Сергеевич, директор здешнего концертного зала.

Глаза девушки широко раскрылись: меньше всего она ожидала, что её станет искать человек, занимающий подобную должность.

– Чем могу быть полезна? – пролепетала она смущённо.

– Вы не могли бы дать у нас концерт?

В планах Гали концертов не было, но возникший столь неожиданно шанс заработать немного денег выглядел заманчиво.

– Конечно, могу. Когда?

– Сегодня вечером.

Гая нерешительно посмотрела на Женю: ведь этот вечер по праву принадлежит ему...

– Простите, а нельзя ли завтра?

Филатов энергично кивнул:

– Конечно, можно! Так мы ставим вас в программу?

Девушка улыбнулась формулировке «ставим вас в программу», но кивнула.

– А кто будет аккомпанировать?

– Наш оркестр!

Пермский симфонический оркестр, конечно, не мог сравниться со столичным в части регалий и призов на международных музыкальных состязаниях, но в мастерстве мало уступал московским коллегам.

– Спасибо, буду очень рада! А какой репертуар вы предпочитаете?

Филатов почему-то смущённо огляделся и прошептал:

– Ваши песни, переведённые с английского и французского!

– Репертуар «Бакара», Мари Лафоре, да?

– Да-да! Буду очень рад!

– Хорошо. Завтра утром я смогу подойти – уточнить с дирижёром концертную программу?

– О, конечно, я предупрежу его! Можно ваш телефончик?

Они обменялись номерами телефонов, и Филатов, довольный, удалился. Гая поймала недовольный взгляд администратора музея: видимо, беседа с главным местным служителем

Мельпомены проходила громче, нежели уместно в этих стенах. Женя тоже смотрел жалобно: ему завтра в армию, а девушка, принявшая его приглашение, обсуждает дела с посторонними. Однако в голове кипели разные мысли, возбуждённые перспективой завтрашнего концерта, и Гале было теперь не до местных достопримечательностей.

– Женя, можно, мы просто прогуляемся?

– Да, милая, конечно!

Они спустились по лестнице и вышли на улицу. Зажмурились от яркого апрельского солнца. Если с утра было немного прохладно – ровно настолько, чтобы надеть плащ и сапожки – то теперь солнце пригревало, требуя снять плащ и недвусмысленно намекая, что через пару месяцев заставит всю Пермь ходить налегке.

– Жарко становится, – задумчиво произнёс юноша. Галя молча кивнула: её мысли были о другом. Удивительно, что в Москве, столице, западные песни если не находятся под запретом, то, можно сказать, нежелательны, а здесь, в провинции, наоборот. Или это нормально? Столица советского государства чурается всего иностранного – по крайней мере, для виду, – а глубинка не нуждается в этом показном патриотизме и слушает ту музыку, которой хочется.

– Галя, ты меня не слушаешь? – жалобно спросил Женя. Девушка вздрогнула, ей стало неудобно:

– Слушаю, только отвлеклась немного, извини. – Она почувствовала, что краснеет.

– Я хотел сказать, что… – он запнулся. – Галя, я… ещё в школе полюбил тебя. Галя, я тебя люблю! Очень хочу, чтобы ты вышла за меня замуж!

Девушка вздохнула.

– Женя, мне кажется, сегодня не стоит говорить об этом. Ты идёшь завтра в армию. Я буду писать тебе. Возвращайся – тогда и поговорим об этом, хорошо? А то, может, – она лукаво улыбнулась, – ты ещё и разлюбишь меня за два года. Другую девушку встретишь.

– Нет! Мне нужна только ты!

– И всё же давай не спешить.

Женя кивнул и понурился. Гале стало жаль его, но она не понимала, как себя вести. Обнадёжить юношу, не зная собственные чувства к нему? Ведь если честно – мало вспоминала о былом воздыхателе, пока была в Москве. Да, конечно, всё время беготня, поиски подработок, согласования, выяснения – тут не до дел сердечных. И всё же любимый человек достоин занимать больше места в мыслях. А вдруг за два года встретится тот Единственный, при виде которого сердце неумолимо скажет «Да, это он»? Девушка мягко погладила руку своего спутника. Женя молча стиснул ладонь Гали – так, что даже сделал немного больно, – но она ничего не сказала сначала. Только после паузы произнесла:

– Женя, что ты знаешь обо мне, кроме внешности и пения?

– Я люблю тебя, – упорно и глухо, будто споря с кем-то внутри себя, отозвался юноша.

Снова наступило молчание: с такими словами спорить трудно.

– Но ведь ты согласен, что сегодня нам преждевременно думать о браке?

Будущий солдат вздохнул:

– Согласен. Прости, Галя, что я заставляю тебя говорить об этом. Не смог сдержаться. Я искал тебя всё это время – после нашего выпускного бала. Но мне никто не сказал, что ты в Москве.

– Иначе ты бы поехал в Москву?

– Да.

Снова пауза. Галя пыталась теперь разобраться в собственных чувствах: признания юноши пробудили в ней давно уснувшие воспоминания о первом поцелуе, о классных посиделках, о выпускном вечере, когда она танцевала вальс с Женей.

– Ты будешь киноактрисой, – заговорил он вдруг негромко, но уверенно, как будто всё точно знал. – Прославишься. А я… Мой потолок – механик автосервиса.

– Ну и что? – неожиданно для себя проронила девушка. – Думаешь, актрисы все сплошь замужем за знаменитостями? И потом, если бы ты меньше тратил время на поиски меня, сейчас учился бы в институте. Стал бы инженером, а то и великим учёным.

Женя горько усмехнулся:

– Я бы предпочёл найти тебя… пораньше.

Галя хотела было сказать, что при их равенстве в возрастах могут быть некоторые семейные проблемы – и тут же подумала: точно так же, как актрисы выходят замуж за автомехаников, сплошь и рядом встречаются счастливые пары одногодков.

– Женя, не обижайся, но я сейчас не могу ответить «да». Наверное, я слишком расчетлива, а ты романтик.

– Ты поёшь такие романтичные вещи…

– Мне они тоже нравятся, – улыбнулась девушка. – Женя, я просто не могу разобраться в своих чувствах. Сейчас я просто хочу, чтобы ты благополучно отслужил и вернулся домой, тогда и поговорим об этом… если захочешь.

– Захочу, – тоном, не допускающим сомнений, отозвался юноша.

– Женя, ещё вот что, – деловито заговорила Галя. – Через месяц у меня начинаются съёмки нового фильма. Я буду, вероятно, в Сочи. Ты не удивляйся, если я тебе буду писать из разных мест и с задержками, ладно?

– Конечно, милая. Только пиши мне. Пожалуйста.

– Буду писать, обещаю, – энергично кивнула Галя, отчего её кудри рассыпались по плечам. – Только давай подумаем, на какой адрес будешь писать ты. На московский не нужно ни в коем случае: я оттуда вот-вот съеду.

– Ты снимаешь квартиру?

– Нет, это ужасно дорого, я в общежитии ГИТИСа. Вступительные экзамены в прошлом году провалила, но меня до сих пор не выселили, потому что коменданту нравится моё пение. Я ему сказала, что в этом году буду поступать снова в ГИТИС, но это неправда – попробую во ВГиК. Хотя там, говорят, не легче.

– Ты поступишь во ВГиК.

– Ты экстрасенс? – улыбнулась Галя.

– Немножко. Хочешь, покажу тебе кое-что интересное?

– Ну, давай!

Женя достал кошелёк, вынул монетку в одну копейку и приложил ко лбу. Галя ахнула: монетка будто приклеилась! Юноша мотнул головой – копейка не упала.

– Невероятно! Как ты это делаешь?

– Сам не знаю. Вот – получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.